

18885

6281 91m

51

~~улов~~
К. ЗЕЛИНСКИЙ

к

ДЖАМБУЛ

*Критико-биографический
очерк*

~~18280~~

-13480-

Железнодорожная библиотека
имени ЛЕНИНА
Павловск райпрофсоюз

11111

2015

№ 2 КИТАПХАНА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва · 1955

ВВЕДЕНИЕ

Имя Джамбула широко популярно среди советских читателей. Его знают и за пределами нашей родины. Сама личность Джамбула и поэтический труд его долго будут к себе привлекать не только исследователей казахского фольклора и литературы. Джамбул — яркий символ расцвета творческих сил казахского народа в советскую эпоху.

Многое в Джамбуле поражает воображение: и история его жизни, и история его поэзии. Джамбул сам себя называл «ровесником века» или «человеком-столетие». Он умер в 1945 году, всего за полгода до своей столетней годовщины, праздновать которую уже готовилась страна. Джамбул родился тогда, когда еще были живы Жуковский и Гоголь. Он был современником Герцена и Тургенева, Некрасова и Чернышевского, хотя до революции и не подозревал о их существовании. Джамбул родился тогда, когда в России существовало крепостное право, когда писали гусиными перьями, ездили

в старинных дормезах и о казахской Степи имели мало представления. Подлинный же творческий расцвет Джамбула начался уже в эпоху социализма, когда свободный советский народ достиг исключительных успехов, в корне изменивших материальные и общественные условия существования и казахского народа. Джамбул, проживший две трети века до революции в глухой кочевой степи, сумел стать певцом социалистических побед советских людей, и его имя облетело весь мир. Это ли не удивительная судьба! Это ли не живое свидетельство, какие неисчерпаемые силы Октябрь, борьба за построение социализма пробудили в народных толщах!

Как литературное явление Джамбул многосторонен. Он не был письменным поэтом; он был акыном-импровизатором, получившим в социалистических условиях всесоюзное признание.

Джамбул не только прославил казахский народ своим искусством, но он сам, как поэтическое явление, был создан народом, вложившим в него свои думы и песни. По самой природе своего таланта, по условиям своей поэтической жизни Джамбул — плоть от плоти, кость от кости народных казахских масс. Лишь в процессе тесного творческого взаимодействия с народом и рождались импровизации акына.

Много вопросов для литературоведческой науки выдвигает творчество Джамбула. Представляет немалый научный интерес во-

прос о соотношении устно-поэтических и литературных традиций у Джамбула, поскольку Джамбул явился новатором казахского устного творчества, автором песен, оказавших известное влияние и на письменную казахскую поэзию и на поэзию других советских народов, в том числе и на русскую.

Интересно проследить и то, как происходило у Джамбула — типичного представителя устной народной поэзии — освоение метода социалистического реализма и преобразование, в связи с этим, традиционной фольклорной формы. Наконец, особой темой научного исследования может явиться установление места Джамбула в ряду казахских поэтов, творчества Джамбула как своеобразной главы в развитии и устной и письменной казахской советской поэзии.

В настоящей работе автор не ставил себе задачи охватить весь круг упомянутых вопросов, тем более что для научного исследования поэтической формы, языка и стиля Джамбула требуется совершенное знание казахского языка. Автор не располагает этими знаниями. Разумеется, это ограничило возможности критического анализа произведений Джамбула и наблюдений над поэтикой акына.

Однако мы полагаем, что русский критик вправе иметь суждение о Джамбуле по переводам. Джамбула переводили многие квалифицированные русские поэты — М. Исаковский, П. Кузнецов, М. Тарловский,

И. Сельвинский, А. Адалис, А. Алтайский, Дм. Снегин, А. Брагин и некоторые другие. В отдельных случаях мы пользовались также и подстрочными переводами.

Несмотря на то, что в некоторых поэтических переводах при тщательном сличении их с оригиналом были установлены известные неточности, взятые в целом русские переводы Джамбула сделали большое дело: они в подлинном смысле слова приобщили всесоюзного читателя к творчеству Джамбула, донесли образы и мысли казахского акына до самых дальних уголков нашей родины. В русских переводах Джамбул стал известен и за рубежом. И, в частности, те издания Джамбула, какие имели место за границей (например, в Китае, в Чехословакии, в Англии и других странах) были сделаны не с оригинала, а с русских переводов.

Вот почему мы считаем себя вправе охарактеризовать основные черты поэзии Джамбула, опираясь на тот материал, который известен всесоюзному читателю по переводам русских поэтов. Назначение данной работы скромное — дать в популярной форме и в систематическом изложении самые общие сведения, касающиеся развития творческой личности Джамбула, а также жизни казахского народа его времени, и познакомить читателя, не занимающегося специально казахской литературой, с некоторыми важнейшими произведениями акына.

Поскольку о Джамбуле пока еще нет крупных работ научно-исследовательского

характера (даже на казахском языке), то настоящий популярный очерк, как мы надеемся, поможет широкому читателю ближе взглянуть в такое необыкновенное явление нашей эпохи, каким был Джамбул.

В своей работе автор, как русский критик, был движим чувством горячей дружбы и признательности к казахскому народу, чья национальная культура сумела подарить советской литературе такого поэта, как Джамбул. Мы считаем, что Джамбул является не только выдающимся достижением казахской поэзии, но и русской советской поэзии. И не только благодаря существованию в русских переводах. Певец казахских степей, возрожденных Октябрем, Джамбул был также и певцом русского народа, певцом Волги и Дона, Ленинграда и Москвы.

Многие десятки и сотни писем со всех концов Советского Союза шли к Джамбулу в Казахстан. И каждый писавший — русский, украинец, армянин, грузин, татарин, литовец, белорус, узбек и советские люди многих других национальностей — называл Джамбула своим поэтом.

Русский язык открыл Джамбула людям всех национальностей. Казахский певец стал родным поэтом всего советского народа.

1. ДЖАМБУЛ И ЕГО ВРЕМЯ

Первый вопрос, который возникает, когда мы обращаемся к поэзии Джамбула советского периода, заключается в следующем: что помогло казахскому акыну совершить переход, своего рода скачок от национальной культуры прошлого, на почве которой он сложился как мастер устной поэзии, к образам и понятиям современного социалистического искусства? Очевидно, что в идейном и культурном багаже Джамбула и в прошлом было нечто такое, что потом помогло казахскому акыну включиться в строительство передовой социалистической культуры и литературы.

Этот вопрос является, в сущности говоря, частью более общего вопроса о том, каким образом вообще весь казахский народ, сохранивший к началу Октябрьской революции еще родовой строй и кочевой характер своего скотоводческого хозяйства, сумел совершить скачок к самым совершенным формам социалистического земледелия, про-

мышленности и культуры. Превращение Казахстана (как и республик Средней Азии и других национальных окраин) из отсталой колонии царской России в передовую цветущую республику — факт огромного принципиального значения. Недаром это превращение произвело и продолжает производить огромное впечатление на умы народов зарубежного Востока.

Самым замечательным в росте среднеазиатских республик (территория Казахстана частично лежит в Средней Азии, это позволяет нам причислять Казахскую ССР к среднеазиатским республикам) является всесторонний духовный рост человека, жителя этих республик. Джамбул вполне может быть рассматриваем нами как живое олицетворение огромного скачка, совершенного казахским народом от кочевого прошлого к сегодняшнему дню, когда мы упорным созидательным трудом всех советских народов ведем успешную борьбу за построение коммунизма.

В самом деле, где, в какой стране Востока за рубежом — в Турции, в Афганистане, в Сирии или в Пакистане — могло такое случиться, что ранее никому не ведомый, не знавший грамоты, затерянный в степях певец вышел бы на всенародную трибуну и стал общепризнанным поэтом, творения которого издаются огромными тиражами, изучаются в школах, переводятся на другие языки?

Это «чудо» смогла осуществить только

советская власть и последовательная национальная политика Коммунистической партии.

И еще потому смог Джамбул перешагнуть от патриархально-родового прошлого в социалистическое настоящее как в свое родное, что еще до революции он стал выразителем передовых, демократических идей народа, был акыном-демократом.

Наиболее убедительным доказательством сказанного явился бы литературный и исторический разбор самих произведений Джамбула, сложенных в прошлые годы. Но полностью этот путь неосуществим. Старые, дореволюционные песни Джамбула в большинстве своем не были записаны, не сохранились. К нашему выводу мы приходим другим путем, а именно — используя высказывания самого Джамбула, данные его биографии и немногие сохранившиеся его песни прошлого.

Большую жизнь прожил казахский акын. К моменту Октябрьской революции Джамбулу было уже семьдесят лет. Это был глубокий старик. За его плечами лежала большая творческая жизнь: полвека выступлений перед народом в качестве мастера устной народной песни. Но весь обширный репертуар песен, поэм, сказок, легенд, созданных Джамбулом за прошлые годы, более чем на девять десятых, повидимому, утрачен для науки. Всего несколько песен и поэм, как, например, исторические поэмы «Утеген-батыр» и «Суранши-батыр» или айтысы (то есть поэтические состязания) с другими

казахскими акынами — Кулмамбетом, Сарбасом, Досмагамбетом — сохранились в памяти Джамбула и были повторно спеты им и записаны уже в советское время. Помимо того, некоторые дореволюционные произведения Джамбула были записаны советскими фольклористами от других народных певцов.

Джамбул родился в феврале 1846 года в семье бедного кочевника Джабая из рода Шапрашты. Согласно семейному преданию, мать Джамбула Улдан родила его в то время, когда аул Истыбая (деда Джамбула) спасался от набегов, нередких в то время в Степи. Это случилось возле горы Джамбул (что по-китайски значит крепость), на северо-восток от нынешней станции Отар, в верховьях речи Чу (около трехсот километров от Алма-Аты). Молодой джигит Джабай, отец Джамбула, дал своему сыну имя горы, которая приютила караван.

В своей автобиографической поэме «Моя жизнь» Джамбул впоследствии так излагал это семейное предание:

В ночь у подножья Джамбула горы,
Сжавшись комочком у снежной норы,
Мать моя, рабскую жизнь кляня,
В столах и муках родила меня.
Молча собрался голодный аул,
Дали казахи мне имя Джамбул,
Пели акыны под звуки домбры
Песню о мальчике, в бурю рожденном,
Песню о мальчике, нареченном
Именем гордой и древней горы. . .

(Перевод П. Кузнецова)

Позднее аул Истыбая вернулся в родные места, в Семиречье. Мальчику Джамбулу было тогда уже семь лет. Джамбул рос так, как росли все его сверстники, — в суровой, пустынной степи, на коне, среди овец и верблюдов. Акын говорил впоследствии, что он не видал в юности ни городов, ни железной дороги, не знал о жизни за пределами Степи.

Когда мальчик подрос, Джабай отдал его в учение к аульному мулле. Об этом периоде сохранилась одна старая песня Джамбула от 1862 года. В ней акын рассказывает, что «ивовый зеленый прут вьется у муллы в руках», «как теленок, я избит, вся спина моя болит. . .» Видимо, Джамбул был слишком непокорным и острым на язык учеником, чья живая натура не мирилась с мусульманской схоластикой. «Зло ворчит мулла седой: — Твой язык, как жало, злой». И Джамбул обращается к людям, объясняя, почему он сбежал от муллы, не захотел дальше продолжать свое «образование».

Объясненье дайте мне!
Разве знанье у муллы?
В белой он чалме, урод,
Как верблюд худой, орет.
Что же это за урок?
Слово к сердцу не идет.

И Джамбул заключает:

Школа горькая, прощай,
Друг, домбру мне в руки дай!
Мне во сне явилась песня,
Сердце, песней закипай!

(Перевод П. Кузнецова)

Джамбул так и не освоил арабской грамоты и не познал мусульманскую премудрость. Но по-своему, в области устной поэзии, он стал знающим человеком. Благодаря своей феноменальной памяти Джамбул заучил со слов акынов десятки тысяч строк различных стихов и поэм, как казахских, так и других народов Средней Азии.

Еще мальчиком Джамбул научился играть на домбре. Домбра — несложный деревянный инструмент грушевидной формы, с длинным грифом, с двумя струнами из сушеных овечьих кишок¹. Однако искусный музыкант может извлечь из домбры довольно сложные мелодии. Брат отца Джамбула был неплохим музыкантом.

Черный, малорослый, худенький юноша, обладавший от природы сильным голосом, Джамбул рано проявил интерес к искусству акынов. Уже в четырнадцать лет он решил уйти из дома и стать певцом (вопреки желанию родных). Любовь к искусству поэтического слова, влечение к «вольной» жизни странствующего певца-акына было настолько сильно в Джамбуле, что победило все преграды, и он отправился в скитания, надеясь лишь на свой талант и домбру. В выборе Джамбулом его жизненного пути большую роль сыграл известный в 60-х годах в Степи акын Суюмбай.

Суюмбай — таким он сохранился в народ-

---

¹ А не из турьих жил, как говорится в одной из песен Джамбула. Это — «романтика».

ной памяти — был акыном-демократом, печальником народного горя, защитником интересов трудящихся масс. Суюмбай был талантливым представителем того особого искусства поэтической импровизации, которое веками складывалось в кочевой Степи и которое с ранних лет так увлекло юношу Джамбула.

В работе М. Ауэзова и Л. Соболева «Очерки истории казахской литературы» (ныне уже несколько устаревшей и методологически и в своих отдельных оценках) дается такое картинное изображение песенной стихии, жившей в казахской Степи:

«Казахский народ, этот трагический странник, в поисках за счастьем кочевавший по степям и столетиям, не мог оставить нам памятников архитектуры, скульптуры, живописи. Но он оставил нам самые драгоценные памятники — памятники художественного слова. . . Поэтический дар казахского народа вызвал к жизни особый тип поэта, сохранившийся до наших времен, тип *акына* — певца-импровизатора и хранителя созданных до него поэтических сокровищ. Именно акынам мы обязаны возникновением и сохранением до наших дней лучших образцов народной поэзии. «Мать дороги — копыто, мать слова — ухо», — говорит казахская пословица: акын не только создавал свои собственные песни, но и прислушивался к песням, спетым джигитами, девушками, женщинами и стариками по поводу событий их личной жизни — смерти, рождения, свадьбы, прощания.

Акын, взыскательный, строгий собиратель, вместе со своими песнями повторял и эти, найденные им в самом народе, и безыменная песня в передаче акына летела по Степи — из края в край, по времени — из века в век»¹.

Когда в аул, где жил Джабай, приехал Суюмбай, Джамбул, которому тогда исполнилось лишь пятнадцать лет, взял домбру, подошел к юрте акына и стал петь «жарапазан», обрядовую мусульманскую песню. Но дадим дальше слово самому Джамбулу, который был хорошим рассказчиком и любил вспоминать своего учителя. Суюмбай спросил Джамбула:

«— Откуда ты? Из какого рода и племени?»

Отвечаю ему почтительно:

— Я из рода Шапрашты, колена Екей, семейства Джабая.

Суюмбай сказал:

— У тебя есть способности быть акыном. Ты обладаешь хорошим голосом. Слова, которые ты поешь, выбраны очень удачно.

В юрте старого акына я по просьбе Суюмбая с волнением спел много песен. Одну из песен я сочинил там же, в юрте. Я пел о своей молодости и неопытности, выражал свое восхищение песнями Суюмбая, сравнивая его песни с зарей и яркой звездой, украшающей небосвод, и, назвав себя его

---

¹ См. «Литература и искусство Казахстана», Алма-Ата, 1939, № 8, стр. 91.

младшим братом, просил помощи и поддержки.

Суюмбай пообещал мне помочь и любить меня. Это был самый счастливый час в моей жизни. Целую ночь Суюмбай рассказывал мне о трудном мастерстве акына. Так я стал учеником Суюмбая, которому было в то время пятьдесят лет. Случалось, что, выезжая в аулы, Суюмбай брал меня с собой. Я жадно учился. С тех пор до последних дней, выступая с песней, я всегда вспоминаю имя своего учителя с чувством благодарности. С Суюмбаем мы жили очень дружно. Я пел сложенные им песни. Только шестнадцати лет я решил выступить самостоятельно.

Первой песней, сложенной и исполненной мною, была песня на одной из свадеб. Я пропел о красоте невесты, сравнив щеки ее с цветами, а косы с ночью. Песня понравилась, и меня похвалили. Начав петь самостоятельно, я все же в состязании с большими акынами не участвовал. Решил состязаться только с молодыми, мало известными акынами моего уровня. . . В казахских степях было принято: поражение на состязании акынов — смерть для акына. Было много случаев, когда акын, потерпев поражение, совершенно переставал петь. Я бродил по кочевьям, расположенным на берегу Чу. Пел народные былины, сказания, поэмы — произведения других акынов и свои собственные песни».

Именно в эти годы (двадцати—тридцати

лет) Джамбул усваивает ту богатую устную поэзию, которая бытовала в Степи. Он выучил наизусть и стал исполнять многие популярные эпические сказания.

Веками было заведено, что акын-импровизатор должен был знать обо всем: все казахские роды и племена, всех родоначальников и знатных людей, все места и события. Он должен был откликаться на все новости и уметь учитывать обстановку. Остроумие, наблюдательность, умение давать быстрые и находчивые ответы высоко ценились в акынах. Акын, помимо всего, должен был обладать сильным характером. Ведь, осыпаясь злейшими насмешками, он должен был уметь оставаться спокойным.

Джамбул сам рассказывал об этом, вспоминая о своих встречах со старыми и прославленными акынами казахских и киргизских степей.

«Однажды я встретился со старым своим учителем Суюмбаем. Он выслушал мои импровизации и сказал:

— Ты увлекаешься чужими мелодиями. Это плохо. Большой акын должен иметь свой голос, измерять землю своим аршином. Каждое твое слово должно разить, как кинжал. Никогда не лицемерь. Черпай слова из своего сердца, как воду из колодца.

Глубоко задумавшись над словами своего учителя, признав их правоту, я стал следовать этим мудрым указаниям. У меня появилась своя мелодия, я нашел свои слова, мое песенное мастерство окрепло. Будучи

бедняком, я хорошо понимал бедный народ. Правдиво мог петь только о себе и о народе. И песни мои полетели по всему Джетысу, как вольные птицы.

Верхом на плохой лошади я ездил из аула в аул. Пел песни грусти и печали, и за это меня кормили. Я объездил Джетысу, бывал в Киргизии, ездил в Караганду, бродил в Восточном Казахстане. О чем я пел? Я пел о моем бедном, измученном народе, о славных батырах казахских племен. Случалось, я пел целыми ночами и получал за это гроши. Часто мне приходилось участвовать в состязаниях акынов — представителей двух родов. Я всегда выходил победителем, и родоначальник того рода, от которого я выступал, дарил мне халат, барана или жеребенка. Многие родоначальники упрашивали меня остаться у них, обещали хорошо кормить, уважать, давать богатые подарки, чтобы я прославлял их и участвовал в состязании с акынами других родов. Но я не хотел лицемерить и отрываться от народа, не хотел идти к баям. Решительно отказывался я и уезжал дальше»¹.

Таким предстает, по рассказам самого Джамбула, мир его поэтических интересов в ранние годы его творческой жизни. Что же представляла собой в те годы, то есть в последней четверти XIX века и на рубеже нашего века, казахская Степь в общественно-экономическом, военном, политическом и

---

¹ См. «Литературную газету», 1932, № 52.

культурном отношении? Каковы были те социальные силы, которые помогли сформироваться взглядам на жизнь Джамбула именно как защитника бедноты, как акына-демократа?

Последняя четверть XIX века, то есть период выступления Джамбула на общественную арену в качестве народного певца, была годами, когда особенно интенсивно происходила перестройка жизни казахского аула и всей казахской Степи на новый лад. Что представлял собой старый аул?

Казахи составляли по численности наиболее крупную (около четырех миллионов) народность Средней Азии. До присоединения к России они делились на три примитивных государственных образования — Большую, Среднюю и Малую орду, управлявшихся ханами и подразделявшихся на роды, во главе которых стояли родовые вожди. Вокруг ханов группировалась знать, крупное дворянство, «белая кость» (торе аксуэк), из которых выбирались ханы и султаны. К высшим группам принадлежали также аксакалы (старейшины) и родовые начальники, высшее духовенство, а также бай, крупные скотоводы. Основная масса народа состояла из трудящихся, бедняков, из «черной кости» (карасуэк), низшую группу которых составляли крепостные (толенгуты) и рабы (кулы). Это деление аульного общества сохранялось в течение столетий. Лишь с проникновением новых капиталистических отношений сословно-родовое деление стало заменяться

различиями имущественного и классового характера ¹.

В своих «Очерках Джунгарии», написанных в 1860 году, Чокан Валиханов, выдающийся казахский ученый и общественный деятель-демократ, характеризовал общую картину жизни в Средней Азии в довольно мрачных красках:

«Средняя Азия в настоящем своем общественном устройстве представляет явление крайне печальное, какой-то патологический кризис развития. Вся страна, насколько не преувеличивая, есть не более и не менее, как одна громадная пустыня с заброшенными водопроводами, каналами и колодцами, усеянная развалинами; пустыня, засыпанная песком, заросшая уродливыми кустами колючего саксаула и обитаемая только стадами диких ослов и пугливых сайгаков. Среди этих сахар разбросаны по берегам рек небольшие оазисы, осененные тополевыми, тузовыми деревьями и вязами, там и сям попадаются рисовые поля, дурно разделанные плантации травянистого хлопчатника, который снимают незрелым. . .» ²

И вот в эту казахскую Степь, в эти глиняные городки, где только развалины напоминали о какой-то древней жизни, во второй половине XIX века и, главным образом, в его последней четверти начинает интенсивно

---

¹ См. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. 2. Госполитиздат, 1952, стр. 510.

² Ч. В а л и х а н о в. Статьи. Переписка. Алмата, Казогиз, 1947, стр. 99.

проникать промышленный капитал. Средняя Азия становится сырьевой базой и рынком сбыта для промышленности России и прежде всего для ее текстильной промышленности. Продвижение русских войск, взятие русскими войсками Чимкента, Туркестана, Аулие-Аты, взятие Ташкента, образование Туркестанского генерал-губернаторства (1864—1867 годы) — все это нашло свой отклик и в общественных отношениях внутри казахского аула, вызывая сложные процессы классового расслоения населения Степи. Если, с одной стороны, крупные скотоводы, баи, султаны и ханы пытаются порою поднять казахов на борьбу вообще против русских (таково, например, восстание хана Кенесары Касымова в 30-х годах, восстание Жанхоши в 50-х годах прошлого века и т. д.), то, с другой стороны, в казахской Степи вспыхивают восстания, направленные и против байско-феодалного гнета, усиленного полицейской властью царского правительства (например, восстание Исатая Тайманова в 40-х годах прошлого столетия).

В последней четверти XIX века начался интенсивный наплыв в Казахстан крестьян-переселенцев из России, особенно в 1891—1892 годах, в связи с голодом в Поволжье. В начале 80-х годов строится Закаспийская железная дорога, тогда же из Западного Китая происходит переселение в Среднюю Азию дунган и уйгур. В 1896 году прокладывается первая железнодорожная магистраль по территории Казахстана, а через пять—

десять лет строится железная дорога Оренбург — Ташкент.

Казахский кочевой аул, передвигавшийся со своим скотом с летовок на зимовки и обратно, все шире начинает сталкиваться с людьми других народов, особенно же с русскими. Все большее значение начинают приобретать ярмарки — Акмолинская, Атбасарская, Нововерненская, Уильская и др.

Русские крестьяне, согнанные со своих земель голодом и полицейскими притеснениями, принесли в казахскую Степь не жажду наживы или презрение к степному населению, а свое трудолюбие и желание жить с казахами в добрых отношениях. Как отмечал еще в 60-х годах XIX века русский путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский, русские крестьяне стремились «жить со своими кочевыми соседями в добрых отношениях, закрепленных беспрестанной потребностью взаимной помощи и обмена предметов, производимых той или другой стороной».

В Семиречье появляются не только русские крестьяне, русские купцы, но и ссыльные революционеры. Идеи передовой русской культуры, революционно-демократических писателей, поэзии Пушкина, Лермонтова, статьи Белинского, Чернышевского начинают по многообразным каналам общения русских с казахами проникать даже в самые глухие аулы. На этих идеях, на передовой русской демократической культуре вырастает сверстник Джамбула, основополож-

ник письменной литературы, выдающийся поэт и просветитель Абай Кунанбаев.

В свою очередь, в этот период много внимания Казахстану и казахскому народу уделяют русские писатели и ученые. О казахам пишут В. Даль (повесть «Бекей и Мауляна»), А. К. Толстой, А. Н. Плещеев, В. Г. Короленко и другие. В первой половине XIX века в степях Казахстана в ссылке был великий украинский поэт Тарас Шевченко, запечатлевший казахскую жизнь и в своих стихах и в своих картинах — «Казахская семья», «Казах на лошади», «Байгуши», «Мальчик топит печь».

Исследования о казахской природе и быте дали русские ученые и путешественники А. П. Федченко, Н. А. Северцев, В. В. Вельяминов-Зернов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, академик В. А. Обручев и другие. Именно через труды названных ученых, а также по рассказам русских писателей образованное общество России впервые познакомилось с казахской жизнью, с казахским народом.

С глубокой симпатией и сочувствием русские писатели и ученые писали о казахам. С восхищением А. П. Федченко писал в своем «Путешествии в Туркестан» о замечательных богатствах казахской Степи: «А степь рядом такая, что ездивший со мной Мадали-Ходжа с восторгом говорил, что если бы ее поливать (для чего нужно только возобновить арыки), то она, отдохнув столетия, дала бы урожая вдесятеро больше, чем в Ташкенте».

Таким образом, в годы, когда Джамбул вступил на общественную, поэтическую арену и зазвучала его домбра, в эти годы интенсивно развивался процесс экономического и культурного приобщения казахской Степи к русскому государству. И хотя это приобщение сопровождалось, как мы сказали, всеми теми бедами, какие приносит военная колонизация и экономическое хищничество капитализма, но весь этот сложный противоречивый процесс объективно, исторически для казахского народа в целом имел большое положительное значение. Он приобщил его к культуре более высокого типа, чем культура варварских ханств Востока; он вовлекал его в круг общерусской жизни, в недрах которой зрел героический русский пролетариат. Самый приход русских войск в Семиречье в середине прошлого века имел для казахов и положительные стороны. Русские войска помогли трудящимся казахам сбросить с себя гнет кокандских ханов, избавиться от набегов киргизских манапов (феодалов). Хань и манапы продавали казахов в рабство, в аулах, где сидели местные кокандские кушбеги (наместники), царил полный произвол, шел грабeж и разорение трудящихся.

В своей книге «История таджикского народа» Б. Г. Гафуров подчеркивает, что присоединение Средней Азии к России спасло среднеазиатские народы также от перспективы быть захваченными английским империализмом и быть включенными в коло-

ниальную систему Англии. «Самое существенное состоит в том, — пишет тов. Б. Г. Гафуров, — что Средняя Азия, во-первых, не стала колонией или полуколонией Англии (что неизбежно произошло бы) и, во-вторых, что судьбы среднеазиатских народов, в том числе и таджикского, соединились с судьбами народов России».

В свете этого главного Б. Г. Гафуров отмечает еще ряд преимуществ, возникших для среднеазиатских народов в связи с их присоединением к России. Средняя Азия двинулась вперед в своем хозяйственном развитии, в строительстве промышленных предприятий. В результате здесь появился местный пролетариат. Русское влияние было благотворно и для сельского хозяйства. Появился картофель, улучшенные сорта хлопка. Русские привезли косу, завели тонкорунное овцеводство, пчеловодство. Казахи, таджики, узбеки и другие народы Средней Азии смогли присоединиться к революционному движению русского пролетариата под руководством Коммунистической партии. Пример — Амангельды Иманов. Таким образом, присоединение феодально-отсталой Средней Азии к России сыграло в конечном счете большую прогрессивную роль. В борьбе бедняцких слоев казахского населения против собственных баев и киргизских мананов, как ее впоследствии представляли себе и истолковывал Джамбул, принимали участие и русские люди, бежавшие в казахскую Степь от притеснения царских властей.

В поэме Джамбула «Суранши-батыр», которая все же идеализирует Суранши, сподвижника Кенесары Касымова, изображается эпизод прибытия в стан Суранши беглецов из России:

В этот день с Сибирь-земли
Десять беглых в стан пришли,
Восемь русских и татарин,
Десять ружей принесли.
Их привел с Уральских гор
Рудокоп седой Егор. . .

(Перевод П. Кузнецова).

Так Джамбул вкладывал в движение Суранши то, что хотел в нем видеть трудящиеся казахи, то есть общность интересов в их совместной освободительной борьбе против угнетателей.

Вовлечение казахской Степи в общерусский экономический процесс, проникновение в Степь экономических отношений капитализма — все это расшатывало феодальные отношения и особенно былую патриархальность, которую культивировали главы родов, обостряло классовую борьбу. Естественно, что в правящих ханских и байских кругах, в среде мусульманского духовенства все эти новшества, проистекавшие из приобщения казахов к общерусской жизни, вызывали стремление не только приспособиться к ним, вступить в союз с чиновниками и агентами царского правительства, но одновременно и стремление к националистическому обособлению и протесту. Реакционные акыны, как, например, Мурат, Шортамбай, Дулат, создают песни, воспевающие якобы «золотой

век» в прошлом, песни печали и скорби перед лицом того нового, что пришло в казахскую Степь. Это песни так называемого зарзамана, то есть эпохи скорби¹.

В противовес этому реакционному направлению в казахской культуре во второй половине XIX века ярко развивается другое, демократическое направление. Оно характеризуется стремлением к дружбе казахского народа с русским. Первыми глашатаями значения передовой русской культуры и литературы явились казахские просветители-демократы, писатели Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. Эти казахские просветители сумели по достоинству оценить великие духовные сокровища, созданные русским народом, литературу Пушкина и Белинского, Гоголя и Лермонтова. Абай Кунанбаев немало строк и афоризмов посвятил разъяснению казахскому народу роли и значения передовой русской культуры и пользы общения с русскими. Он говорил: «Помни, что главное — научиться русской науке. . . Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза. Изучай культуру и искусства русских. Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче».

---

¹ В моей брошюре «Джамбул», вышедшей в Алма-Ате в 1946 году, дается неправильная, некритическая оценка как самого жанра зарзаман, так и его представителей — Шортамбаев, Мурата и др. В брошюре также дается исторически неправильная характеристика поэм о Суранши-батыре и об Утегене.

В романе Мухтара Ауэзова «Абай» хорошо показано, как происходил процесс духовного формирования основоположника казахской письменной литературы и просветителя родного народа. В реалистических художественных образах, психологически проникновенно Ауэзов рисует, как в душе поэта Степи пустили ростки те живые семена, которые залетели туда из далекого русского Севера. Эти семена на казахской почве пустили корни и выросли уже в новой, присущей казахскому народу, национальной форме. Влияние одной культуры на другую никогда не бывает механическим. Осваивается то, что созвучно, что социально исторически близко другому народу. У казахов есть поговорка: «Гений для всех народов не чужд». Гений Пушкина, Лермонтова и других передовых русских писателей по различным каналам и путям, через песни и народную молву достиг ума и сердца трудящегося жителя казахской степи. Известно, например, что письмо Татьяны к Онегину, переведенное Абаем на казахский язык и превращенное в песню, на многие десятилетия осталось жить в Степи, как народное произведение. Уже после революции письмо Татьяны к Онегину было записано как казахский фольклор¹. И скольких

---

¹ Этот любопытный факт нашел отклик и у Джамбула. В «Песне о жизни», рассказывая о том, как Пушкин в «простом чапане» ехал на «худой арбе» и пел песню народа, Джамбул продолжал:

Песня его неслась, не смолкая,
Песня запала в душу Абая,

молодых казашек смелый поступок неведомой им далекой северной русской девушки, которая сама выбрала себе любимого (Онегина), заставил задуматься над варварством мусульманских законов, обрекавших аульную жительницу на положение рабыни.

Вот почему, когда мы говорим о значении русской культуры для судеб национальной культуры того или другого ранее угнетенного народа, еще в далеком прошлом вовлеченного в общерусский исторический процесс, мы должны принимать во внимание всю сложную совокупность связей, какие соединяли тот или другой народ с русской жизнью. Если угнетенные народности ненавидели царя и его слуг, то они в то же время видели другую, народную, трудящуюся Россию и на нее возлагали свои надежды.

У казахского народа есть пословица: «Глядя на сосны, кустарник растет, глядя на заман (эпоху), молодежь растет». Эта пословица верна и в отношении духовных путей и других народов. Сулейман Стальский, так же как и Джамбул, не знал письменной грамоты, не знал русского языка. Но он вырос, духовно сформировался, «глядя на заман», то есть на эпоху. Он прошел университет жизни, был рабочим в Баку, сталкивался с

И у предгорья седого Тянь-Шаня
Заговорили Онегин с Татьяной
На близком народу родном языке,
На золотом языке Казахстана.

(Перевод П. Кузнецова)

сотнями людей — с русскими и с людьми других национальностей. С молодых лет он привык не отделять себя и свою родину Дагестан от русского народа, от всей России. В своем замечательном стихотворении «России», написанном в 1918—1919 годах, когда Дагестан был отрезан от Советской России, Сулейман рассказывает, что женщины, собираясь вокруг общественных печей для выпечки хлеба, только и толкуют о событиях в России. Для народа Дагестана судьбы России — это его судьбы.

Джамбул, как об этом свидетельствуют его песни и айтысы, был человеком разнообразных знаний и достаточно передовых взглядов на жизнь. О нем больше, чем о ком-либо другом, можно сказать словами казахской пословицы, что он учился, «глядя на эпоху». А в его молодые годы Семиречье, как мы сказали, было ареной событий, которые многому могли научить. Книга жизни, которую читал Джамбул, могла внушить акыну уважение к передовой роли русских людей и чувство дружбы народов (и казахов, и русских, и дунган, и киргизов, и узбеков, и уйгуров). Таким образом, идея ленинско-сталинской дружбы народов, певцом которой Джамбул стал в советские годы, нашла в душе старого акына уже подготовленную почву. А иначе как можно было бы объяснить то замечательное качество поэзии Джамбула, которое поражает всех близко с ней знакомящихся, — умение казахского акына так глубоко откликаться на все, чем

жил советский народ, умение идти в ногу с эпохой? Это можно объяснить только подлинной народностью Джамбула, тем, что на всех этапах его жизни его поэзия выражала народные интересы.

Еще в 1881 году в поэтическом состязании с Кулмамбетом Джамбул говорит, что его личное преимущество, а также и достоинства всего рода Шапрашты заключается в том, что он и весь род его хотя и бедняки, зато учатся, глядя на эпоху: «Все мы в ремеслах искусны, знаем все, видели степи, горы, заливы мы». Джамбул говорит, что шапраштинцы побывали и в Алма-Ате и в Семипалатинске. Даже «на кочевье пастух-овчар слышит, как строится Кызылжар».

Таким образом, мы вправе сказать, что идеи общности интересов народов России с русским народом, идеи освоения другими народами русской культуры вовсе не находились за пределами понимания Джамбула. Все это было близко акыну, духовно воспитывало его, подготовив необычайный расцвет его поэзии в советские годы. Мы вправе сказать, что в той устной «аульной библиотеке», какая запечатлелась в голове акына, наравне с эпическими, лирическими легендами, сказаниями казахской Степи и Востока равноправное место занимали те неписанные русские книги, прочитанные им в общерусском университете самой жизни, по которым учились в прошлом все угнетенные народы нашей родины.

Таковы главные условия (народная борь-

ба, классовое расслоение аула и влияние передовой русской культуры), которые определили идейное развитие Джамбула как талантливого степного певца-демократа.

В аулах Казахстана сохранилась память о Джамбуле не только как об искусном рассказчике, певце и импровизаторе, но и как о человеке, который на протяжении всей своей жизни ни в чем не покривил душой перед народом. Когда в 1913 году уездные власти города Верного (ныне Алма-Ата, столица Казахстана) призвали из Степи известных акынов и предложили им сочинить славословия дому Романовых в связи с его трехсотлетием, Джамбул отказался от такого «социального заказа». Более того, вместо песнопений в честь царя Николая II, Джамбул запел на празднестве песни во славу батыров, ведших борьбу с царизмом. Дело кончилось тем, что Джамбул был избит полицией и выгнан с собрания. В 1916 году, во время восстания против мобилизации казахов на тыловые работы, вместо песен замирения Джамбул сложил песню «Грозный приказ», в которой высмеял царских чиновников. Это была одна из последних революционных песен акына.

Преследования со стороны властей, тяжесть общих условий жизни постепенно загасили поэтический темперамент Джамбула. В 1899 году, на семьдесят седьмом году жизни, умер его отец Джабай. Мать Джамбула Улдан пережила мужа на пять лет. Джамбул оставался бедняком. Лишь в

1910 году он смог себе построить теплую саманную избу. До того он жил в юрте и большую часть жизни проводил в кочевье. Он объездил со своими песнями почти весь Казахстан, побывал и в Киргизии. Но уже к пятидесяти пяти годам — на том сходятся все данные — он сильно ослаб, почти перестал выступать и вернулся в свой аул.

В эти годы Джамбул чувствовал себя уже стариком. «В пятьдесят пять лет, — рассказывал акын, — мне стало худо. От старости и тяжелых условий жизни я стал сутул, как старый беркут, глаза померкли, а голос ослаб. . . Вместо домбры у меня в руках появилась палка. Вместо широкой степи — узкая постель. Я угасал, бессильный петь хорошие песни. . . И лишь тогда, когда казахи восстали против белого царя (в 1916 году. — К. З.), я пропел несколько песен и их подхватила степь. Когда мне исполнилось семьдесят лет, я увидел светлую зарю новой жизни. На землю пришла правда для всех живых существ. Я услышал имя батыра Ленина и был свидетелем победного шествия Красной Армии. Вокруг меня закипела жизнь, о которой я пел в лучших своих песнях, как о золотом сне».

2. ПОЭЗИЯ ДЖАМБУЛА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Поэтическое наследие Джамбула разнообразно по жанрам. Джамбул был автором крупных эпических поэм, легенд, героиче-

ских сказаний, автором небольших лирических песенок, сатирических, обличительных сценок, Джамбул был большим мастером айтыса. Можно только пожалеть, что многочисленные айтысы, в которых участвовал Джамбул, в большинстве своем утрачены и для нынешнего читателя и для науки.

Творчество Джамбула дореволюционного периода (во всяком случае то, что записано и сохранилось) характерно прежде всего своим демократизмом, широтой взгляда на вещи, постоянной думой о родном народе.

Из дореволюционных произведений Джамбула сохранилось — не считая айтысов — немногим более двадцати песен и сказок, включенных в Собрание сочинений Джамбула, вышедшее в 1946 году в Алма-Ате. Это за время с 1862 года по 1917 год, то есть за пятьдесят пять лет. Датировка этих произведений условна, поскольку записаны они были уже в советские годы. Однако содержание некоторых произведений позволяет их хронологически отнести к тем или иным годам. Многие даты помнил и сам поэт.

Так «Жалоба» посвящена обучению Джамбула у муллы, к которому его послал отец. Как известно, из этого обучения ничего не вышло («Что же это за урок? Слово к сердцу не идет. Школа горькая, прощай!»). Эта песня Джамбула относится к началу 60-х годов. Несколько ранних песен посвящено искусству устной поэзии, к освоению которого тогда приступал Джамбул («Акыну Жанысу», «Сарыбаю» и др.). В этих песнях

Джамбул с глубокой любовью вспоминает своего учителя Суюмбая и прославляет значение песни в жизни народа и отдельного человека: «Только песня в жизни верный друг!» Ряд произведений рисует труд пастуха, коневода и чабана («Пастух коней», «Погоня» и др.). Эти песни содержат много реалистических деталей, передают тяжелые условия, в которых жил и работал в степи байский пастух: «Днем на морозе уюта не знать, днем скитаться и ночью опять» и т. д. Из любовной лирики привлекает внимание стихотворение «Девушка Кемшат». Джамбул говорит в нем, что он, певец, непривлекателен и беден, но любовь побеждает все. Из биографии Джамбула известно, что история его неудачной любви к красавице Бурым (которую ее род не захотел отдать за ничего певца) на долгие годы отозвалась глубокоим душевным потрясением.

Тема бедности проходит как лейт-мотив через все дореволюционные произведения Джамбула. «Конь мой тощ, халат дырявый», — говорит он в песне «Шабдену». Он называет себя «странником мира» («К Кали»). В песне «Доля бедняка» Джамбул воссоздает картину горькой жизни бедняка, у которого «голод отобрал стыд» и он стоит босиком на снегу, выпрашивая хлеб на почтовых станциях у ямщиков. Однако песни Джамбула о бедности лишены какого-либо жалостливого оттенка и вовсе не были предназначены — это видно по их характеру, — чтобы выклянчивать у богача лепешку или

кусок баранины. Они исполнены человеческого достоинства.

Дом мой плох и нищ мой стол.
Нет на нем щедрот...
Почему ж сюда пришел
Мой степной народ?

(«Мамбету», перевод Дм. Снегина)

В другой песне — «На выставке», видимо относящейся к выставке, устроенной в Алма-Ате в связи с трехсотлетием дома Романовых в 1913 году, — Джамбул иронически обращается к тем казахам, которые, запыхавшись, летят со всех концов степи на эту царскую выставку в надежде на подачки и увеселения. Чем выставку эту смотреть, говорит Джамбул, лучше уж остаться в своем нищем ауле, в родной степи:

В поклонах не согнусь, как вы,
Не нужно мне вашей жратвы.
Моя надежда песнь моя,
С ней не склоню я головы.

(Перевод А. Брагина)

В своем известном, сложенном до революции, «Завещании» Джамбул с презрением говорит о тех, кто проникается байской жадностью: «Не найдешь ты в богатстве добра». Живо лишь то добро, что оказано людям:

Лишь добро, что ты миру несешь!
Остальное в могилу с собой
В белом саване ты не возьмешь.

(Перевод П. Кузнецова)

Не трудно видеть, что «Завещание» Джамбула перекликается со многими схожими мотивами в поэзии Абая Кунанбаева.

Настоящим революционным гневом дышат песни Джамбула против баев и волостных старшин («Манкэ», «Старшине Мирзабекской волости» и др.). В ряду этих произведений обращает на себя внимание обличительная песня «Собака бая Кадырбая». По обилию и выразительности бытовых деталей, содержащихся в этой песне, по силе вложенного чувства классовой ненависти к богачам, по своей поэтичности это одно из лучших дореволюционных произведений Джамбула. Оно открывается картиной скитания певца по бескрайней степи. Устал его голодный конь. Разбил ноги. Поэт ухаживает за своим единственным конем. Он обвязал его ноги кошмой, к ушам привязал травку, отогнал малахаем мух от ран, раздавил на его спине «жирного, как чиновник, слепня». В жарких песках отыскан колодец. Певец напоил своего четвероногого друга, дал ему отдохнуть и снова собрался в путь: «Нет нам помощника, кроме домбры». Уже зашло солнце и поднялась луна. И вот акын видит, как по степи едет джигит со связкой саксаула. Громче запел тогда акын. Происходит диалог. Джигит — слуга бая Кадырбая. У бая сдохла любимая собака, и он послал слугу-джигита разыскать в степи певца-жирши: пусть он прославит эту собаку, а заодно и богатства хозяина. За то Кадырбай

готов «отвалить хорошему певцу» полсотни баранов и двух иноходцев.

В юрте у Кадырбая Джамбул застаёт уже целую компанию жирши, прихлебателей, которые за кусок баранины наперебой славят хозяина. Увидел Кадырбай и Джамбула.

Бай приподнялся над белой кошмой.
Бросил мне бай жирный мосол
И к сундукам своим отошел.

(Перевод П. Кузнецова)

Пришла очередь выступать Джамбулу. Первое слово свое он обращает к продажным жирши, сидящим в юрте. «Льстивы, блудливы ваши слова, — говорит он им. — Горечь за вас мое сердце хлестнула, слушайте верную песню Джамбула».

Кто песню свою продает за барана,
Тот мухи ничтожней, трусливей кояна,
Блудливей хорька и трусливей тушкана.
Послушал, жирши, я ваши слова,
Они перед баем легли, как трава.

И Джамбул по-своему начинает славить собаку Кадырбая: «Собака твоя не плохая была, она табуны для степей берегла». А вот ты, ее хозяин, кто ты?

А ты, ненавистный, с ханскою сворой
Проходишь степями злодеем и вором,
Не дай тебе бог ничего кроме блох,
Жить бы собаке, а ты бы подох!

Так оканчивается эта поэма. Эпизод, в ней описанный, положен в основу одной из глав романа П. Кузнецова «Человек находит сча-

стве», он же составил один из сюжетных мотивов сценария Н. Погодина и А. Тажибаева «Джамбул».

Сохранились также и песни Джамбула периода мобилизации казахов на тыловые работы в 1916 году, периода восстания степи («Черный указ», «Песня гневного сердца» и др.).

В поэтическом наследии Джамбула значительное место занимают айтысы, вернее, поэмы об айтысах, в которых когда-то участвовал акын. Из его автобиографии мы знаем, какое значение сам Джамбул придавал своему участию в поэтических состязаниях.

Из всех народных песенно-поэтических жанров Степи именно айтысы пользовались наибольшей любовью и вниманием слушателей, привлекали наибольший интерес. Песни состязательного характера существуют в фольклоре многих народов. Чаще всего это песни лирические, например песни трудовых соревнований, песни соревнований между женихом и невестой, шуточные песни, выражающие любовную перепалку между юношей и девушкой, соревнование юношей и т. д. Широко представлены они и в русском фольклоре.

У казахов, благодаря тому, что родовой строй сохранился вплоть до Октябрьской революции, песенно-состязательные жанры получили в значительной мере родовую окраску. Айтысы развивались, впитывая в себя мотивы межродовой борьбы, но порою

и мотивы классовой борьбы, отражая разнь богатых и бедных. Самый жанр поэтического диалога, всегда основанного на борьбе, на конфликте, взывавшего к остроумию и находчивости поэтов-импровизаторов, к их полемическому задору, давал широкий простор к вовлечению в состязание разнообразного материала, охватывающего все стороны жизни.

Айтысы были неременной частью тоев (празднеств), родовых съездов и совещаний. В небогатой внешними впечатлениями жизни обитателя Степи айтысы были своего рода театром, к тому же исключительно злободневным, непосредственно и сразу выносившим на суд общественности все то, чем в данный момент жил аул или род. В работе М. Ауэзова и Л. Соболева мы читаем:

«Широко известны состязания знаменитых акынов с акынами-женщинами: Боздака с Ак-балой, Биржана с Сарой, Сакау с Тогжан, Мурата с Жантели и акынов между собой — Шортамбая с Орумбаем, слепого Шеже с Кемпирбаем, Кулмамбета с молодым Джамбулом и т. д. Насчитываются сотни записанных айтысов.

Наиболее знаменитые состязания акынов остались в народной памяти в форме особого вида поэм, рассказывающих об этих айтысах с приведением подлинных песен, спетых состязавшимися. Согласно древней традиции, из соображений объективности, а также потому, что скромность и достоинство победителя не давали ему возможности переска-

зывать о своей победе, такая поэма должна была складываться побежденным акыном. Поэтому в известной поэме «Биржан-сал и Сара» рассказ о самом состязании сложен побежденной Сарой, причем в дальнейшем бытовании поэмы в ней появилась вступительная глава, спетая акыном Орыпом, в которой изложена биография Сары»¹.

Среди тех восьми айтысов, которые сохранились в поэтическом наследии Джамбула, мы находим разные типы этих состязательных поэм. Две из них рисуют встречи Джамбула с женщинами-акынами: Айкумыс и дочерью Болека. Первый айтыс представляет собой форму признания в любви. Отношение Джамбула к Айкумыс так и остается в этой поэме неясным: он просит девушку разрешить прикоснуться к ее груди; Айкумыс отвечает отказом. Сцену степного быта рисует айтыс «Встреча с акыном Бактыбаем». Неоглядные просторы ковыльной степи. В знойном мареве с неба доносится крик невидимых беркутов. На конях съезжаются, завидев друг друга, старый акын Бактыбай и молодой Джамбул. Джамбул рассказывает, кто и что он, из какого рода и каких краев и как запевал он свою песню с горы Май-Тюбе: «Плыл, как гусь прилежный, я, песней правил нежно я, где Майкот и Кулмамбет — рядом неизбежно я».

Особый интерес представляют поэмы

---

¹ «Литература и искусство Казахстана», Алма-Ата, 1939, № 8—9, стр. 115.

Джамбула о состязаниях с Кулмамбетом, Сарбасом и Досмагамбетом. Эти поэмы являют собой идейно наиболее содержательный, социально насыщенный тип айтыса. Тут выступают представители двух лагерей. С одной стороны, глашатаи кочевой аристократии, певцы богатого рода Дулат — Кулмамбет и Сарбас, искусные и прославленные в Степи акыны. Представителем лагеря бедноты выступает Джамбул, еще мало известный тогда акын захудалого рода Шапрашты. От этих словесных турниров веет богатырским духом древних нравов кочевников. Такова веселая похвальба акынов друг перед другом, рассчитанная на то, чтобы зажечь воображение слушателей. Певцы сравнивают себя то с озером, то с факелом, то с океаном, то с необыкновенным скакуном, то с призовым конем, то с горным кряжем, львом, орлом и т. д. Любопытно, что Джамбул сравнивает свой песенный дар то с Волгой, то с Яиком. Деталь опять-таки говорящая о том, что Россия, великая русская река были для Джамбула олицетворением самого значительного, что может подчеркнуть силу его песни. Быть как Волга — для Джамбула это значит быть с народом. Характерно, что и Досмагамбет (бывший муллоу) в перебранке обвиняет Джамбула, что про него твердит народ: «Землю русским отдает, сам живет в худой землянке, оттого и беден род». Эта деталь свидетельствует о том, что трудящийся казахский люд, беднота, были в дружбе с русскими крестья-

нами (делились землей). Для баев, националистов дружба с русскими казалась делом, порочащим казахов.

Так же как и самовосхваление, перебранка и унижение друг друга в айтысе носят, так сказать, «гомеровский», эпический колорит. Акыны не стесняются в выражениях. Они называют друг друга разбойниками, сусликами, блеющими козлами, баранами, бродягами и т. п.: «Я — камыш, листвою расцвел, ты же — блеющий козел» и т. д.

Но все эти наивные словесные приемы и украшения, оставляющие впечатление эпической беззлобности, представляют собой в айтысе лишь традиционное обрамление. Интересно другое. Что же выдвигали на первый план акыны — противники Джамбула и какие идеалы они рисовали перед народом? Все они — и Кулмамбет, и Сарбас, и мулла Досмагамбет, который состязается уже со старым Джамбулом (в отличие от двух предыдущих, у которых молодой Джамбул оспаривает первенство), — все они похваляются знатностью и богатством рода Дулат и рода Жалаир, издеваются над «жалким Шапрашты, где даже баи сами скот пасут». Какой же может быть акын из этого рода? «Стройным из ваших шел один Суюмбай, — каждому другому надо бы дать клюку», — говорит Кулмамбет. Сарбас говорит о себе: «Сам святой Макта-Мазан в дяди мне от бога дан». Похваляясь силой своего рода, Сарбас говорит, что его люди живут по-райски: «Сахар плиточный едят». Число же

его сородицей так велико, что «если бросишь ты иглоку — на землю не упадет». Воспеванию силы, красоты, богатства Джамбул противопоставляет во всех айтысах связь свою с народом. Он говорит Кулмамбету: «Хочешь ты, видно, про богатых бубня, — им надоест, а нам посмешищем стать». Пусть беден мой род, говорит Джамбул, но «если за мной стоит народ, я всех баев превосхожу». Джамбул говорил, что мог бы рассказать о том, как люди лопатами деньги гребут. Но не о том он хочет петь. О таком богатстве лучше помолчать. А вот давайте полетим вдоль Ала-Тау на родной Кастек:

Славен не золотом мой Кастек:
Слава его — живой человек,
Слава его — батыры-друзья,
Мощные, как весенний поток.

В айтысе с Кулмамбетом Джамбул, перебирая славных батыров своего рода, отмечает такие в них достоинства, что один из них «духом богат — бедных при нем не тронь, меч, а не деньги любит его ладонь»; другой, хоть и старик, тоже был беден, но, как говорит Джамбул, «любил он труд». Акын хочет воздать честь богатырям своего рода: «Кровь за народ пролить — есть ли выше честь? Читит их память недаром бедный казах». С достоинством отвечает Джамбул байскому певцу:

За три бешмета баям себя продав,
Сам глумиться над горем бедняцким стал.

Впрочем, не следует забывать, что характеристика своих противников как представителей социально враждебного лагеря, была сделана Джамбулом в поэмах, записанных уже в советское время. Что касается самих акынов, бывших поэтических противников, то к ним Джамбул, повидимому, сохранил уважение, а вовсе не враждебное чувство. Так, например, в «Обращении к акынам», с которым Джамбул обратился в 1943 году в Алма-Ате ко всем акынам, собравшимся на всеказахский айтыс, он в одном ряду упоминает и Суюмбая, и Сарбаса, и Майкота, и Кулмамбета, и многих других. Джамбул говорил: «Куандык, Сарбас, Майкот, ваши песни сегодня тут, Кулмамбет, Кумуншак и Кул с нами вместе сейчас поют». И далее: «Вы — их племя и вам начинать торжествующей песни лад». Совершенно очевидно, что здесь акыны взяты в плане своего рода «единого потока», что, конечно, ошибочно. Но мы не думаем, что такое восприятие Джамбулом песенной традиции Степи ослабляет значение того факта, что в дореволюционные годы он действительно был передовым акыном-демократом.

Выступая перед народом в словесном единке, Джамбул стремился не просто поддеть противника острым словом или похвалиться мощью своего рода и силой батыров. Джамбул обращался к народному самосознанию, хотел пробудить у слушателей веру в творческие силы народа. Поэтому Джамбул часто возвращался к истории родного

народа. В произведениях Джамбула мы все время встречаем имена исторических героев, борцов за национальную независимость Казахстана — Исатая Тайманова, Махамбета Утемисова, Амангельды Иманова. Здесь следует сказать, что в иных случаях наряду с подлинными героями Джамбул поминает и лжегероев, вожаков националистических движений. В этом сказалась ограниченность общественно-исторических взглядов Джамбула.

В поэтическом поединке с Досмагамбетом, отвечая противнику, Джамбул говорит о значении народных героев в национально-освободительной борьбе:

Жажду земли поток утолит,
Оскорбление народа — герой смоет,
Разгуляется буря — разгонит тучи. . .

Героическое — это и есть народное. Герой не может быть слугой ханов и золота. Герой только тогда герой, когда он вместе с народом. Море не высохнет, народ не заблудится. Иди с народом. Вот тот круг идей, который воодушевлял Джамбула. Акын видел, как тяжело доставалась бедняку-кочевнику добыча средств существования. Велики были жертвы и страдания народа в его борьбе с ханами, баями и другими захребетниками. И в русло этой борьбы стремился Джамбул направить древнее свое искусство.

Сохранились и две сказки Джамбула: «Сказка о лентяе» и «Хан и акын». Первая рисует обленившегося сына владельца

несметных табунов. Безделье — идеал молодого богача. Ленивец знал только один «труд» в жизни: есть бесбармак¹ и пить кумыс. И вот однажды случился в степи пожар. Но молодой бай по лености не захотел покинуть своей юрты. Среди обгорелых остатков белой кошмы нашли и лентяя, опаленного как баран.

«— Господин мой, — сказал один из джигитов, — твоя леность привела тебя к смерти.

— Ну и что из того? Ну и умру, — пробормотал ленивец слабым голосом и скончался».

Безделье в представлении акына равнозначно смерти.

В сказке «Хан и акын» изображается, как акын своей песней смягчил гнев жестокого хана. Но в этой сказке есть мотивы, идейно чуждые нам. Так, например, один из батыров хотя и убивает злого бая Мурзу, защищая честь девушки, но при этом не отказывает себе в удовольствии «выпить глоток крови» этого мурзы. Герой сказки, акын-песенник, оказывается мусульманским святошей Ходжей. Все это — дань тем чуждым нам старым фольклорным традициям, от которых в прежние времена и акыны-демократы не были отгорожены непроницаемой стеной.

Четыре с половиной десятилетия, а то и почти полвека пел Джамбул перед своим

---

¹ Бесбармак — жирное мясо с тестом.

народом на летних пастбищах (джайляу), зимой у костров пастухов. Десятки и сотни песен сложил акын. Много струн переменял он на своей домбре, и много воды утекло с тех пор. Возможно, и стерлись бы в памяти народа его старые песни, если бы Джамбул, возрожденный Октябрем, с новых, советских позиций заново бы не спел некоторые свои дореволюционные песни.

3. ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ДЖАМБУЛА

Весть о свержении самодержавия в феврале 1917 года пришла в Казахстан, когда в Степи еще не погасли пожары восстания 1916 года. В Тургайской области еще полыхал красный флаг повстанцев, возглавленных славным героем казахского народа Амангельды Имановым. Как пел тогда Джамбул в «Песне гневного сердца»: «Поднимался народ простой, словно в озерах вода весной. И прокатилась волна восстания по стране родной». Генерал-губернатор Туркестанского края Куропаткин, «директор» Средней Азии, сначала пытался скрыть от народа весть о событиях в Петрограде. Но это ему не удалось; по городам и аулам Средней Азии начались митинги. В одной из принятых тогда резолюций говорилось: «Могучая волна движения народа русского докатилась до наших степей несколько позже.

Но все же мы теперь с чувством живой радости узнали о том, что русский народ отвоевал для себя и для всех народов, населяющих Россию, счастье и благо свободы»¹. Вспоминая об этих днях позже, в 1937 году, Джамбул говорил: «Встали миллионы забытых рабов, штыки повернув на проклятых врагов. И рухнули своды позора и тьмы Российской империи, душевной тюрьмы».

Процесс революционной мобилизации трудящихся масс в Степи, естественно, в силу общей ее отсталости происходил более замедленно, чем в Центральной России. Но с фронта, с тыловых работ возвращались казахи, проникнутые большевистскими настроениями. Вот почему, когда русский пролетариат в Октябре 1917 года совершил величайший в истории революционный переворот и на развалинах поверженного эксплуататорского строя создал советскую власть, это было с ликованием встречено и народами Степи. Победа Октябрьской революции означала коренной перелом в истории человечества. Это был коренной перелом и в истории казахского народа. Так воспел его Джамбул в своем «Гимне Октябрю»:

Громами грянул, кострами сверкнул
Грозный Октябрь...
Ленин великий повел караван —
Русских, казахов, киргиз и дунган.

Победа русского пролетариата вызвала

---

¹ «История Казахской ССР», Алма-Ата, 1943, стр. 401.

в среде трудящихся казахов живой интерес и горячую симпатию к России, к русским. От новой, революционной России казахи ждали теперь избавления. В поэме «Моя родина» Джамбул говорит, что когда произошла Октябрьская революция, то казахи:

На гребнях гор костры зажигали,
Чтоб родная Москва увидала.

(Перевод П. Кузнецова)

Вслед за «Декларацией прав народов России», которую советская власть провозгласила в первые же дни победы, Совет Народных Комиссаров 3 декабря 1917 года принял особое обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В этом обращении говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹.

Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно... Эта весть зазвучала по аулам, будя в народе чувства ликования и глубочайшей народной благодарности к вождю революции — Ленину и его соратникам.

---

¹ Собрание узаконений РСФСР, 1917, № 6, приложение 2-е.

В составе первого Совета Народных Комиссаров был учрежден пост, которого никогда не знало ни одно правительство в мире, — пост народного комиссара по национальным делам. Уже с весны 1918 года советское правительство практически приступает к созданию автономных Киргизской (Казахской) и Туркестанской советских республик. Когда собрался Первый съезд Советов Туркестана, В. И. Ленин и И. В. Сталин послали его организаторам приветственную телеграмму. Осенью 1919 года Центральный Комитет партии направил в Ташкент М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева во главе большой комиссии. В начале 1920 года в Алма-Ату приезжает Д. Фурманов.

В одной из песен Джамбула — «Сказание о большевистской правде», — сложенной в ноябре 1942 года, мы находим свидетельство тому, какое громадное значение имел приезд русских коммунистов в Степь и живое слово их массам о ленинской правде, о политике советской власти. Джамбул рассказывает в этой песне, как однажды Дмитрий Фурманов из Алма-Аты приехал к казахам в аул на гору Май-Тюбе. Еще лежал снег в морщинах скал, но на южных откосах цвела ромашка и зеленела листва деревьев. Акын говорит, что он еще раньше слышал о Фурманове от приезжавших из города. Был тогда Джамбул немощен, рван и бос, да и «тогда уже был старик». «На облезлом своем осле он бы до города не дотянул».

*

И вот Джамбул обратился к Фурманову с вопросом: где и как найти правду? Он за семьдесят лет последнюю обувь истоптал в ее поисках:

Голубем правда вьется вдали, —
Кони доскачут ли до нее?
Можно ль проникнуть к правде в жилье?

Акын спросил Фурманова: может быть, и ему, старому акыну, лучше уподобиться ослу, который щиплет кусты, нежели только скрести затылок, спрашивая, где правда?

Д. Фурманов («вдумчивый взгляд под высоким лбом сердце мое овеял теплом») сказал Джамбулу, что правда людская в труде. И не будет правды, пока человек труда не станет свободным. Но «даром свободы в жизни не жди, — путь пролагай труду своему!»

.. В правде — победа большевиков.
Путь предстоящий будет суров,
Да, но другого нет впереди. . .

(Перевод А. Тарковского)

Джамбул говорит, что эти слова Дмитрия Фурманова имели громадное значение в его жизни. После беседы с Фурмановым, словно полсотни лет с плеч сбросил Джамбул. Многого понял он. И с той поры стал «обходить с подолом сухим лживого брода липкую муть». Джамбул стал разбираться в слухах и разговорах, катившихся по Степи: «Слов большевистских познал я суть».

Мы не знаем, была ли в действительности

эта встреча, но в своей песне о ней Джамбул сумел ярко сказать о роли русских коммунистов в борьбе за советскую власть в Степи.

В 1920 году в Туркестан был направлен Л. М. Каганович. Образование Киргизской (Казахской) автономной ССР (в 1920 году) происходило в обстановке всенародного подъема. В приветствиях правительству казахский народ выражал свою горячую любовь к Коммунистической партии. Так Третий областной съезд Букеевской орды писал в приветственной телеграмме И. В. Сталину: «Третий областной Киргизский съезд Букеевской орды совместно с представителями киргизских воинских частей приветствует товарища Сталина, принявшего горячее участие в развитии и процветании забитого киргизского народа, которому открыта широкая дорога и который благодаря советской власти получил право высказывать свои нужды и запросы. Съезд никогда не забудет внимания, которое вы оказывали нашему народу в минуту его исторического возрождения, и твердо верит в то, что в будущем интересы трудящихся киргизов будут вам так же близки, как и раньше»¹.

Выступая на X съезде партии, И. В. Сталин в своем докладе по национальному вопросу с особой силой подчеркнул, что осуществление советской национальной политики

---

¹ Цитирую по статье «Ленин и образование советской государственности в Казахстане». «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1949, № 1.

должно заключаться не только в том, чтобы предоставить право и возможность ранее угнетенным народам развивать свою культуру, школы и другие учреждения на своем национальном языке. Задача заключалась в том, чтобы русский пролетариат экономически пришел на помощь национальным окраинам. Особое значение имел земельный вопрос. Поэтому советское правительство в первую очередь принимает меры, чтобы наделить трудящихся казахов землей. 2 февраля 1921 года ЦИК Киргизской (Казахской) АССР, по предложению В. И. Ленина, принял декрет о передаче казахским трудящимся земель прииртышской полосы и левобережья Урала на расстоянии десяти верст от рек. Эти земли в свое время были царским правительством отняты у казахов и переданы кулакам и под помещичьи имения. В 1921 же году в Семиреченской области была проведена земельно-водная реформа. Эта реформа возвратила трудящимся казахам и киргизам почти полмиллиона гектаров земли, которую советская власть отобрала у кулаков. Подобные же решения советское правительство проводит и в отношении других народов Средней Азии (туркмен, узбеков и др.).

Новая жизнь забурлила в казахском ауле. Это были годы борьбы не только за преодоление вековой нищеты, в которой жили казахские трудящиеся, но и борьбы с врагами народа, с буржуазными националистами.

Величайшие события, пришедшие в Степь:

образование органов советской власти в аулах, борьба с басмачами, белогвардейскими казачьими бандами Дутова и Анненкова и националистами — алаш-ордынцами, образование союза бедноты, наделение бедняков землей и скотом, земельно-водная реформа, щедрая помощь советского правительства и русского рабочего класса, шедшего навстречу всем нуждам декхана и скотовода, — все это потрясло умы и сердца масс и разбудило творческую энергию народа.

Октябрьская социалистическая революция вызвала в Степи громадный подъем устного народного творчества. Уже первые годы после Октября отмечены у всех народов, в том числе и у русского народа, исключительной художественной поэтической активностью народных масс. Но естественно, что у тех народов, у которых вследствие особенностей их исторического развития наиболее сохранились традиции устной народной поэзии, мы видим особый расцвет этого искусства. Развитие нового, советского фольклора, социалистического по содержанию и национального по форме, разрушило буржуазную легенду о том, что в наше время якобы уже не может существовать устное народное творчество. Развитие культуры у каждого народа в условиях социализма происходит в особой, присущей каждому народу национальной форме, в соответствии с национальными традициями народа.

Не будет преувеличением сказать, что

именно массовое поэтическое творчество, новый фольклор заполнил собой первую страницу в истории развития советской литературы и в Казахстане, и в Киргизии, и у ряда других народностей Средней Азии, Кавказа и Сибири.

Джамбул говорил, что до революции песня была большой силой в Степи. Но еще большее значение песня приобрела после революции. Лирико-политическая песня сыграла важнейшую роль в распространении в Степи лозунгов и идей советской власти. Можно проследить, как меняется после Октября даже сам жанровый состав песен, бытовавших в Степи. Постепенно исчезают такие жанры, как арбау, баксы, сарны (сказания, притчи и песни), проникнутые байской идеологией, шаманистскими, мусульманскими представлениями. Рождаются новые песни, сказки, пословицы революционного характера. В этих песнях находят народный отклик такие события, как конфискация земель у баев-феодалов, борьба с алаш-ордынцами, белогвардейцами. Наконец, в Степь начинают проникать и революционные песни — «Интернационал», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу» и др. Много песен создают акыны о борьбе женщин за свое освобождение, против шариата.

Как видим, во всем процессе политического подъема масс и развития народного самосознания значительная роль легла на акынов. Именно фигура передового, демократического акына в эти годы выдвигается

в Степи как фигура ближайшего помощника партии, как агитатора и просветителя народных масс в духе лозунгов и идей советской власти. Уже с первых лет советской власти широко стало известно имя акына демократического направления Нурпеиса Байганина, который, подобно Джамбулу, может быть назван одним из выдающихся представителей устной народной поэзии Казахстана. Батрак из Актюбинска Нурпеис Байганин (умер в 1945 году), став акыном-профессионалом, разъезжал по аулам на коне и распевал эпические песни о батырах. Творчество Нурпеиса до революции, по утверждениям казахских литературоведов, носило передовой демократический характер. Особенно хорошо Нурпеис показал в своих поэмах «Наргыз» и «Аккенже» положение казахской женщины. Умный, находчивый, с богатым словарем и запасом художественных образов, Нурпеис Байганиннискал себе симпатии казахского населения актюбинской Степи и Приуралья. Естественно, что первые послеоктябрьские песни популярного в народе Нурпеиса, песни, посвященные Ленину и победе трудового народа, имели немалое политическое значение для сплочения сил революции в аулах. Нурпеис говорит в одной из своих песен:

Да, много я песен сложил и пропел,
Мой голсс в степи, словно ветер, шумел.

Степь покрывала холодная мгла,
Юрты обшаривал жирный мулла.

Над степью висела безмолвная ночь...
Я песней старался народу помочь.

Приглушенной песня акына была,
Пробиться к народу она не могла.

Но други-акыны под струны домбры
Пророчили... ждали счастливой поры.

Они не ошиблись: на счастье земли
Ленин и Сталин к народу пришли.

Народ стал свободным, как вольный орел,
Народ богатырскую силу обрел.

(Перевод В. Копытина)

Во славу советской власти начинает звучать домбра и других акынов старшего поколения — Доскея, Кенена и многих, многих других. В ряды акынов вливаются и новые таланты, как, например, Иса Байзаков (1900—1946). Иса Байзаков является уже акыном нового типа. Начав выступать на айтысах как поэт-импровизатор, Иса Байзаков позднее становится поэтом письменным. Он одновременно выступает со своими стихами в первых казахских газетах и попрежнему перед народом с поэтическими импровизациями. Начиная с 1924 года Иса Байзаков напечатал в газетах множество стихов лирико-политического характера. Особенную популярность приобрела его поэма, написанная в связи с кончиной Ленина.

Вместе с подъемом в пооктябрьские годы всего народного искусства Казахстана происходит небывалый расцвет поэтического

творчества и самого Джамбула. Это поистине было его вторым рождением. Новые силы влились в акына, и в руках его снова запела старая заветная домбра. Джамбул множество раз возвращается в своих песнях и беседах к этому перелому в своей жизни. Он говорит в своей автобиографии:

«Вокруг меня закипела жизнь, о которой я пел в лучших своих песнях, как о золотом сне. Почувствовав прилив свежих сил, взял я в руки домбру. Вернулась моя молодость, и я запел. Оглядываясь вокруг, я не узнавал знакомых степей. Поехал по аулам и стал воспевать новую жизнь. Я был заодно с моим народом и был понятен народу. Я был свидетелем рождения новой страны — Казахстана, о чем мечтали целые поколения и о чем пели лучшие акыны. Только в восемьдесят лет жизнь мне открыла глаза на многое, чего я не понимал. Жизнь началась для меня снова. Я переродился и стал петь, как двадцатипятилетний юноша, — сильно, с подъемом, с большим жаром и охотой».

Об этом своем втором рождении Джамбул говорит и в поэтической речи «Мое счастье» (1938) и в речи «Я тополь столетний» (1941). Акын сравнивает свое прошлое с глубокой пропастью, над которой шумели тучи и ползли туманы, закрывая солнце: «В этой пропасти я родился и семьдесят лет тщетно пытался выйти к солнцу, вздохнуть полной грудью, запеть полным голосом. Когда я, обессилевший, добирался до цели и

начинал петь песню солнцу, передо мной
вырастал мулла. Он благословлял меня и...
с молитвой сбрасывал меня обратно в про-
пасть» («Мое счастье»). В другой своей
речи — «Я тополь столетний» — Джамбул
сравнивает себя с тополем, который тянулся
корнями к воде, а ветви протягивал к сча-
стью: «Но не было счастья. Я гнулся под
бурей, оберегая листья. Но силы слабели,
а буря срывала и жгла обнаженные листья.
Грозой прошел по земле Октябрь. Ленин и
Сталин открыли родники жизни. Вдоволь
насытили корни мои. Ленин и Сталин разо-
гнали тучи и открыли мне солнце. Ветви мои
распрямылись. Листья мои зацвели в золо-
тистых лучах. Стали крепкими мои листья.
Я, тополь столетний, пою о найденном сол-
нце, о счастье народа, о своих молодых сы-
новьях и дочерях». А в песне «Я возрожден»
Джамбул, не без остроумия, употребляет
такую реалистическую деталь: «Я вновь
возродился, — горит в жилах молодо кровь.
И на деснах пустых — пусть лишь ка-
жется так — появились опять тридцать све-
жих зубов».

В поэтическом наследии Джамбула (во-
шедшем в наиболее полное академическое
собрание его сочинений 1954 года) обращает
на себя внимание одно обстоятельство: запи-
саны и сохранились почти все произведения
Джамбула после 1936 года. Свыше ста пе-
сен и поэм датировано второй половиной
30-х годов. А из песен, сложенных почти за
два десятилетия до того, сохранилось всего

лишь две песни и одна поэма. В то же время известно, что Джамбул в первые годы революции деятельно выступал по аулам Семиречья со своими песнями, принимая самое близкое и непосредственное участие в борьбе за советизацию казахского аула наряду со многими другими передовыми акынами. Почему же не сохранились и не были записаны эти песни? Тому было много причин. Одна из них та, что в первые годы советской власти среди деятелей казахской национальной культуры еще не было осознано полностью значение устного народного творчества.

Не приходится сомневаться, что в этом сказалось и влияние еще не разоблаченных в те годы алаш-ордынцев, националистов, которым вдохновенная песня народа, пошедшего за Коммунистической партией, была, конечно, не по нутру. Достаточно сказать, что даже в литературно-художественном сборнике «Казахстан», изданном на казахском и русском языках в Алма-Ате в 1935 году, к 15-летию Казахской ССР, не было произведений ни Джамбула, ни Нурпеиса Байганина, ни Исы Байзакова, вообще ни одного представителя устной народной поэзии. Буржуазные националисты, враги народа, практически не давали хода народным певцам.

Летом 1936 года происходила в Москве первая декада казахского искусства и литературы. 7 мая в газете «Правда» в русском переводе появилась поэма-размышление (толгау) Джамбула «Моя родина». Имя та-

лѣнтливого пѣвца сразу облетело весь Советский Союз.

В том, что поэтические выступления Джамбула в первые годы советской власти в Казахстане натолкнулись на сопротивление националистов, людей враждебного лагеря, убеждает нас одна из песен акына от 1920 (или 1921) года. Она направлена против так называемых «бельсенды», лжеактивистов. «Бельсенды», прикрываясь мнимой общественной активностью, мешали развитию советского строительства в казахских аулах и нередко оказывались проводниками контрреволюционных стремлений баев, мулл, буржуазных националистов. Джамбул столкнулся с «бельсенды» на одном из собраний только что организованного в Семиречье Союза кошчи (бедноты). Он приехал, чтобы участвовать в этом собрании, но «бельсенды» помешали выступлению акына, не дали ему слова. Джамбул не растерялся, взяв в руки домбру, беспощадно заклеял тех, кто прикидывался защитником бедняков, а на самом деле защищал байские интересы.

В чей, скитаясь, забрел я аул?
На кого я занес топор?
Пока держится в теле душа,
Пока песня, как жизнь, хороша,
Хуже вас я не буду жить.
К беднякам вы не так добры.
Я же буду народ любить,
Песнь слагая под звон домбры.

(Перевод В. Копытина)

Акын говорил врагам бедноты: «Не исчезнет имя Джамбул ни от баев, ни от мулл».

В 1924 году Джамбул участвует на всеказахском тое (празднестве) и айтысе акынов по случаю четырехлетия советской власти в Казахстане. Джамбул спел тогда песни — «Во славу Красной Армии», «Во славу великого батыра Ленина». Он говорил, что уже «сложена дома крепчайшая часть», и обращался к беднякам с призывом укреплять свою власть: «Тебе, тебе, возрожденный народ, песни Джамбул вдохновенно поет!»

В 1927 году на массовом собрании Союза кошчи в своем родном районе — в Узун-Агаче, Алма-Атинской области, Джамбул выступил с импровизацией первой большой поэмы на советскую тему — «Бег времени» («Замана агымы»). В это время Союз кошчи объединял уже свыше 170 тысяч человек. В том же 1927 году состоялся Первый Всеказахский съезд Союза кошчи. Тот факт, что Джамбул выступал на первом столь значительном по количеству участников собрании организованной аульной бедноты и батрачества, свидетельствовал, насколько он тесно был связан с народными массами и как чутко улавливал быстрый рост их классового самосознания в борьбе за все расширявшееся советское строительство в Казахстане.

Поэма «Бег времени» — это обстоятельная повесть о судьбах казахского народа. Ее последняя, 8-я часть подводит итог народным скитаниям и борьбе. Многие были

пережито казахским народом на путях его истории. Но лишь «народ возвратить на верный путь Маркс и Ленин смогли». И, обращаясь к Ленину, Джамбул пел в своей поэме:

Ленин великий! Это ты —
Свершенье вечной народной мечты.
Ты победил навсегда волостных,
Баев и хитрых прислужников их,
Ты победил царя.

(Перевод А. Брагина)

Акын говорит, что рука Ильича указала народу путь, который зовут правдой, идущей «к светлой вершине по имени труд». Эта поэма Джамбула почти лишена какой-либо декларативности, риторической приподнятости или условной торжественности. В ней есть интонация грустного раздумья о прожитых годах, боль о перенесенном и радость, что туман прошлого рассеялся, что для песен светлыми стали дни: «Я вижу в школах горят огни, огни справедливости и наук».

Я горькие песни для вас сберег,
Чтобы свободный познал челсвек
Думы народа, времени бег.
Песен собрание, сказы мои,
Вам в назиданье, друзья мои!

(Перевод А. Брагина)

4. ПРОШЛОЕ КАЗАХСТАНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖАМБУЛА

Поэма «Бег времени» в основных своих главах повествует о дореволюционном прошлом казахского народа. Об этом прошлом «свидетель эпохи» Джамбул часто вспоми-

пают в своих песнях, по его выражению, «в назидание друзьям». Историческая тема в произведениях Джамбула занимает весьма значительное место. Едва ли не большинство песен акына построено на противопоставлении советской революционной нови тому прошлому, что оставлено позади.

Народ мой из нор вековых и берлог,
Из вечных могил, из холодных берлог
Вышел за Лениным в Октябре
На самую солнечную из дорог.

Художественный прием противопоставления светлого настоящего темному прошлому не составляет личной особенности Джамбула как поэта. Это часто встречающийся прием народного песенного творчества советской эпохи. Чаще всего он встречается у старших акынов, как, например, у Нурпеиса: «Я к солнцу тянулся, как узник к окну, и видел народного горя волну».

Обращение к образам былого, обличение поверженного строя приобрело волнующий смысл после революционного переворота. Воссозданные картины прошлого показывают народу, от чего только что избавился он, над каким врагом одержал победу. В таких случаях историческая тематика приобретает силу политической злободневности, служит укреплению революционного духа. Вот почему произведения подобного рода мы встречаем во всех национальных литературах в первые годы после победы революции. На приеме контрастного противопоставления новой жизни мрачному

прошлому построена поэма «Думы о Родине» и «Дагестан» лезгинского ашуга Сулеймана Стальского и многие другие его стихи. Сулейман говорил, что, вспоминая белый свет, он словно «читал книгу черных бед». Он говорил, что прошлое бродит в его душе, словно черный виноград, оно кипит горечью, не дает ему покоя: «О, как забыть мне те края, обиды смертные тая? Там молодость прошла моя, как неурочный дождь, товарищ».

Сходные мотивы мы встречаем и в азербайджанской поэзии, и в поэме казахского писателя Сабита Муканова «Сулушаш», и во многих десятках подобного рода произведений других братских народов.

Сходные процессы развития литературы мы наблюдаем сегодня в Китае и в других странах народной демократии. Известно, например, какой популярностью у китайского зрителя пользуется пьеса «Седая девушка», повествующая о том, как поседела от горя и обиды молодая красавица, дочь деревенского бедняка, попавшая в лапы помещика за долги семьи.

«Бег времени» Джамбула — поэма широкого плана. В ней дана картина и бытового уклада аула и социально-экономических отношений, существовавших в Степи; поэма касается и общих вопросов истории родного народа, говорит об отношении акына к самодержавию, к представителям эксплуататорских классов, баям, биям, муллам, чиновникам и т. д., и завершается итоговой главой

о том, что советская власть принесла народу. По своим художественным достоинствам выразительна первая часть поэмы, написанная в духе философского размышления о сущности жизни. Все уходит из мира: и хан, который угнетал народ, вместе со своим табунном канул в вечность, и девушка с черными косами до земли, и воин — все покинули «сей бранный мир». Ушли и те, чьи песни были подобны бурным ручьям, кто постиг горе и счастье народа, — ушли акыны. Здесь вновь следует оговорить, что далеко не все из акынов, имена которых Джамбул вспоминает в этой поэме, могут быть названы защитниками народа. К числу певцов народа Джамбул отнес, например, Бухар-Жирау, акына хана Аблая, или акына Шортамба, певца феодальной «скорби».

После этого элегического вступления Джамбул говорит о том, что за восемь десятков пройденных им лет он много перевидал и теперь хочет сказать юношам и старикам о тайне времени: «Я, умирая, с собой не беру ни песню свою, ни свою домбру. Придет пора мне глаза закрыть, — не остановится песен река, и вы придете благодарить от всей души своего старика». И вот акын начинает повесть о том, что пережила Степь за минувшие времена. Печальные шли годы: «Народом правил гордый хан, к его аулу знатный льнул, разбой, грабеж, гульба, разгул запугивали бедный люд».

Не хан, что гневом знаменит,
Не гордый хан, не хитрый бек, —

*

Народ был под ярмом обид, —
Простой кочевник-скотовод,
Что пас овец у чистых вод,
Что песни мирные хранил
Из века в век, из рода в род.

(Перевод А. Брагина)

Картинно, с рядом впечатляющих реалистических деталей, воссоздает Джамбул социально-бытовой уклад казахского аула в прошлом, показывая бесправие бедняка казаха (кедея), его полную зависимость от богатого бая. А что бай? Его «жирные мысли» устремлены на покупку новой жены. Жирные мысли — это хорошо сказано. Превышенная жена забыта, фактически она становится рабочим скотом в доме своего властелина. Во вставной «Песне жены» акын рассказывает, как такая забитая казашка попыталась пожаловаться волостному. Свяжав ее веревками, волостной отправил ее обратно к мужу. Тут «приходит в байский дом мулла, нездешний, из приволжских стран. — Жена — твоя раба — о том рассказывает нам коран». Реакционная антинародная деятельность мусульманского духовенства в те годы довольно выразительно изображена в этой поэме Джамбула. Акын говорит, что к юрте казахского кочевника протягивалась рука и из-за границы, из Турции: «Издалека, из-за черных гор, голову плотно закутав чалмой, по шариату потупив взор, к народу идет Ходжа святой».

Джамбул рассказывает, как при царе Николае в Степь из Петербурга приехали во-

семь сенаторов, привезшие проект канала для орошения Кызыл-Кумской степи. Дело кончилось тем, что лучшие земли забрала царская казна: «Как будто огнем подпалена, спасенья искала в степи беднота». У казахов было много земли. Но «в аулах ученых людей не найти, и были богатства земли взаперти». С гневом и горечью говорит акын, что «повязку невежества на глазах с обидой послал кочевник-казах»:

Он видел, как шарит чужая рука
В родных степях и в родных горах,
Как нюхают золото господа,
Как ищут к земным богатствам ключи,
Как, наконец, добрались сюда
Из далекой Англии богачи.

В поэме немало таких художественных деталей и примет, которые должны были многое говорить уму и сердцу слушателей акына. Джамбул говорит, например, о том, что раньше у пастуха, который гнал по степи чужие гурты, лохмотья так же пропахли дымом костров, как и вся его горькая жизнь. И Джамбул создает образ, невольно заставляющий вспомнить шекспировского Шейлока: «если бы хозяйский нож с живого тела батрака срезал мяса кус, то и тогда бедняк остался бы только овцой».

Поэма кончается прославлением Октябрьской революции, положившей конец мучениям бедняка:

Нас вывели Маркс и Ленин из тьмы,
И славит их мой песенный стих,
Рожденные смертными, как и мы,
Они бессмертны в делах своих.

Так пел Джамбул на съезде кошчи в⁵⁵
1927 году.

В поэме «Моя родина», сложенной уже в 1936 году, изображению прошлой жизни казахского народа уделено места значительно меньше. В этой поэме картины прошлого даны главным образом для того, чтобы оттенить величие нашей советской эпохи, показать, из какой глубокой пропасти нищеты и бесправия Коммунистическая партия вывела родной народ. В те времена жизнь бедняка и особенно казашки была, по выражению Джамбула, «дешевле овцы». Джамбул говорит о трех ханах, оставивших тяжкую память в народе. Первый хан — кокандский хан Худояр. «Кровь его ядом была налита». Это был хан-насильник, разбоем налетавший на аулы и уводивший лучших девушек. Другой хан был хан Аблай. Этот, как голодный шакал, грабил аулы: «Баям с Аблаем привольно жилось, баям он дал золотое седло, а тем, чьи плечи сдавила сума, был он как злая степная зима». Третий хан — Джангер-хан, который вместе с царскими чиновниками жег кибитки, уводил табуны из степей.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман.
На сердце оставили черный след
70 горьких лет.

(Перевод П. Кузнецова)

В том же духе противопоставления темного прошлого светлому настоящему по-

строена и автобиографическая поэма Джамбула «Моя жизнь», в которой акын говорит, что он всю жизнь ехал за счастьем «дорогой Асана» (легендарного казахского певца, который, по преданию, жил в XV веке), но... «менялись манапы, султаны и ханы, чиновники, приставы и атаманы, а жизнь не менялась...» Трудящиеся казахи «В шкуры вошочие одевались, слезами горючими омывались. У старых курганов, на кучах костей, матери в столах рожали детей» (перевод П. Кузнецова).

В одной из своих песен («Песня о братстве народов») Джамбул признается, что он бы и рад не касаться прошлого: «Не хочет домбра расшевеливать ран, не хочет звенеть под кандалный заман», но ничего не поделаешь. Это прошлое еще слишком живо в памяти акына, слишком дорого оно стоило народу:

Но старые раны, как угли, горят,
И песня взлетает, как стая орлят.

В исторических работах, опубликованных за последние годы, собрано множество архивных и документальных материалов, подтверждающих общую мрачную оценку, которую Джамбул и другие казахские акыны — Нурпеис Байганин, Доскей, Кенеп — давали прошлой, дореволюционной жизни казахского народа. Оттесненные со своих пастбищ колонизаторской политикой царизма, угнетаемые баями и феодалами, казахи были обречены на медленное вымирание. В од-

ной из работ, изданной Академией наук Казахской ССР (Б. Сулейменов, «Казахстан в первой русской революции») говорится: «Накануне и в период первой русской революции трудовое казахское население настолько ощущало недостаток земли, что прибегало к аренде земли на кабальных условиях. Так в 1901 году в пределах Павлодарского, Семипалатинского и Усть-Каменогорского уезда, по данным степного генерал-губернатора, насчитывалось 12 000 безземельных кибитковладельцев, которые на тяжелых условиях арендовали землю сибирского казачьего войска и проживали на юртовых наделах и офицерских участках того же войска... Каждый кибитковладелец-арендатор ежегодно выплачивал арендную плату, в среднем, по 10 рублей 70 копеек. С него взыскивалось также, в среднем, до 7 рублей в земский и мирской сборы, и он платил, кроме того, натуральные повинности. Для бедняков создалось настолько невыносимое положение, что они стали искать заработка на стороне у кулаков и офицеров казачьего войска...»

Картины прошлой жизни в произведениях Джамбула проникнуты глубокой любовью к народу. В них вложено живое чувство поэта, это лирика пережитого. В произведениях Джамбула читатель часто находит также упоминание о реальных исторических лицах, оценку действительно бывших исторических событий. Но здесь следует ска-

зять, что Джамбул в ряде своих воззрений на исторические события остался «в пределах прошлого», повторяя степную непроверенную молву. «Хозяин молвы — один рот, — говорит пословица, — а облетит она 30 родов». Общественное мнение Степи в прежние времена слагалось в условиях господства феодальной аристократии. Чем невежественнее народ, тем пышнее чалма у муллы. Бывало так, что и Джамбул становился пленником чужой лживой молвы. Такая чужая молва проникла и в большие поэмы Джамбула на исторические темы, об Утегене и Суранши-батыре, хотя и слагались они Джамбулом во имя родного народа и во славу его.

Та же чужая непроверенная молва вызвала и неверную оценку Джамбулом движения Кенесары Қасымова.

Кто такой был Кенесары Қасымов? Это был внук хана Аблая, использовавший в интересах феодальной верхушки недовольство народных масс, вызванное гнетом царизма. Те трудящиеся казахи, которые вначале примкнули к движению Кенесары, скоро распознали, что он не только не несет им облегчения, а, наоборот, является таким же грабителем и хищником, как и другие представители степной аристократии. Имя этого лжегероя, которого буржуазные националисты пытались окружить ореолом и представить чуть ли не в одном лагере с вождями освободительного движения Утемисовым и

Таймановым, несколько раз встречается у Джамбула.

У казахского акына не было единой, бесспорной, до конца устоявшейся точки зрения на Кенесары. Лучше и определеннее всего народное, правильное отношение к Кенесары звучит в песне Джамбула «Я народу служу» (1938). Джамбул говорит в этой песне, вспоминая о «тысячах ран», нанесенных казахам:

Ой, Май-Тюбе! О, народ мой великий,
Это тебя сек камчой хан-тюре,
Это тебя угнетал бай-тюре,
Это тебя и твой скот убивая,
Шли со знаменами толпы Аблая.
Это в степи, наживаясь в войне,
Ехал душить тебя злой хан Кене,
Ехал он страшный на страшном коне...
Ой, Май-Тюбе, ты, запрятав свой гнев,
Молча смотрела... Народ не смолчал,
Народ приподнялся, народ закричал,
Взял хана Кене он могучей рукою,
Сек хана Кене он его же камчою.
Тело его не засыпал землю.
Ой, Май-Тюбе, ты грустить не хотела,
Ты не сокрыла поганое тело.

(Перевод Дм. Снегика)

Вот истинное слово народа о Кенесары. Но наряду с таким верным отношением к Кенесары у Джамбула можно встретить и похвалы по адресу хана. Так в песне «Клим-батыр» (1936) Кенесары упоминается в ряду славных героев прошлого. Джамбул говорит все же в этой песне, что все прошлые полководцы «шли кровавой дорогой войны» и что

«в залитых кровью степях оставался от славы прах...» Осуждающие слова по адресу Кенесары имеются и в поэме «Суранши-батыр». Но они ослаблены тем, что вложены в уста отрицательного героя, батыра Байтугана, врага Суранши.

Упомянув о том, что Джамбул в иных случаях некритически повторял чуждые ему исторические легенды, чуждые всему духу его творчества, мы не считали бы правильным делать на основании этих отдельных ошибок какие-либо далеко идущие выводы, ослабляющие основное положение о глубокой народности акына. Исторические понятия Джамбула, естественно, не опирались на сколько-нибудь глубокое научное изучение вопросов истории Казахстана. Народный певец был поистине голосом степной молвы. А молва иногда, как ветер, несла с собой не только правду Степи, но и сор ее.

Нельзя забывать к тому же, что поэтические творения Джамбула при издании их порою подвергались произвольным сокращениям и исправлениям. Это коснулось между прочим как раз тех мест, где Джамбул прямо выступал против феодальных героев, вроде Кенесары. Их значение и истинная роль преувеличивались и раздувались некоторыми националистически настроенными историками и литературоведами.

Павел Кузнецов, близкий сотрудник и переводчик Джамбула, говорил на Всесоюзном совещании по вопросам художественного перевода с языков народов СССР:

«Некоторые казахстанские литературоведы, историки и критики, страдающие буржуазно-националистической хворью, из кожи вон лезли, пытаясь скрыть от народа высказывания о Кенесары таких поэтов, как, например, Джембул:

И киргизы и узбеки,
Как разрозненные реки,
К единению стремились,
Чтобы в дружбе быть навеки,
К единению стремились
И с врагами не мирились.
Были ханы их врагами,
Ханы кровь народа пили,
Был врагом народа ярим
Демон смерти Кенесары.
Он душил народ, терзая,
Сеял слезы, кровь, пожары,
И казахи вымирали,
И киргизы вымирали,
А потом договорились,
Хана-беркута поймали,
Крылья хищнику скрутили,
Подвели его к могиле
И, навеки проклиная,
Как разбойника, казнили.

Это соответствует исторической правде. Это было в оригинале Джембула, в подстрочнике и в переводе, но в печати не появилось»¹.

В некоторых произведениях Джембула — и в первую очередь в названных нами поэмах об Утегене и Суранши — сказалась идейно-политическая нечеткость. Герой поэ-

---

¹ «Литературная газета», 1951, 7 декабря.

мы мало имеет общего с историческим Утегеном, казахским полководцем второй половины XVIII века, ведшим войну с ойротами. В поэме Джамбула Утеген взялся провести народ в страну счастья Жидели-Байсын. С ним происходят всякие приключения. Он побеждает страшных чудовищ, айдахаров, и т. п. «Поэма об Утегене» по сюжету — сказка, легенда. Но, изображая в ней народную мечту об освобождении от эксплуататоров, Джамбул в то же время неправильно, неточно характеризует добровольное присоединение Казахстана к России. Утеген уводит народ не только от «Белого царя», но и вообще от русских. В конце концов Утеген приводит народ в обетованную страну. Но, оказывается, в ней нет пастбищ для коней, а ведь по слову акына «казах без степного коня — осенний костер без огня». После Октябрьской революции Джамбул спел новый конец поэмы (1937—1938). Акын зовет Утегена откликнуться из немы темноты. Джамбул принес скитальцу новые вести. Утеген не узнал бы советского Казахстана, если бы встал из могилы: «У казахов, как сбывшийся сон, свой счастливый и мудрый закон».

Противоречива и поэма о Суранши-батыре. Образ ее главного героя — Суранши, соратника Кенесары в его боях с кокандскими ханами и киргизскими манапами, явно идеализирован.

Суранши-батыр был полководцем Стар-

шего Жуза, к которому принадлежал и род Джамбула. Не исключено, что именно родовые симпатии и толкнули акына на прославление батыра.

В основу этой большой поэмы (самой большой у Джамбула — в ней 45 глав) положены действительные исторические события. В поэме рассказывается о двух битвах, которые в середине прошлого века произошли между казахами и кокандскими ханами Худояром (или Кудеяром) и Орманханом, вторгшимися в семиреченскую Степь уже после поимки Кенесары (1847 год). Поэма была сложена в конце XIX века и также пропета по-новому уже в советское время.

Джамбуловский Суранши мало имеет общего с реальным историческим лицом. Акын делает своего героя вождем трудящихся казахов, защитником бедноты. Суранши обвиняет хана Ормана в том, что тот задумал стравить казахов и киргизов. Чтобы не проливать крови родного народа, Суранши идет один на поединок с ханом. Интересно, как преломился в восприятии Джамбула такой исторический факт, как помощь, оказанная русскими войсками киргизам при поимке Кенесары. Джамбул разделяет русских: бедняки идут вместе с Суранши, царь защищает Ормана и Худояра. Когда грянуло русское «ура» в рядах войск Суранши, то ханские ряды распались от одного этого крика. Таким образом Джамбул вложил в свое произведение то заветное, что жило

в подлинно народной степной молве. Это заветное: настоящие русские — трудящиеся, земледельцы, землекопы, кузнецы — вместе с казахским народом; идут заодно с казахами и трудящиеся киргизы. У них один общий путь. А против трудящихся идут заодно ханы с царем.

В живописной сцене, изображая, как в ставке кокандских ханов Ормана и Худояра готовились к войне с киргизами, Джембул говорит о песне ханских акынов:

И кончалась эта песня
Словом горестным — война!
Э-э, киргизы любят мир,
Э-э, жигит, взгляни на мир:
Не к добру у всех манапов
С бород их стекает жир.

(Перевод П. Кузнецова)

Названные поэмы Джембула представляют немалый исторический и художественный интерес; в них ярко выражена святая ненависть бедняков-кочевников к эксплуататорам народа — ханам, баям, муллам.

Но Джембул не был бы тем Джембулом, которого мы знаем — певцом нашей эпохи, если бы ненависть к байскому торжеству и унижению народному в прошлом не была для него только ступенькой, чтобы крепче, увереннее взобраться на гору сегодняшней радости и счастья, откуда виден весь наш путь вперед.

5. ДЖАМБУЛ — ПЕВЕЦ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПОБЕД СОВЕТСКОГО НАРОДА

Те песни Джамбула, которые ныне знает у нас всякий школьник, — это песни «сто-летнего большевика». Это песни о социалистической правде наших дней. Это песни о наших победах. Это песни, объемлющие все то, чем жил и живет наш советский народ сегодня. Это песни, которые выражают силу неудержимого счастья, вселившегося в сердце народа, и окрыляющие его на все новые и новые великие дела. Это песни безграничной любви к Коммунистической партии и ко всей нашей многонациональной родине.

После того как Джамбул приехал в Москву в мае 1936 года вместе с участниками первой декады литературы и искусства Казахстана, как побывал в Кремле, побеседовал с руководителями партии и правительства, в развитии его поэтического искусства происходит новый громадный подъем, новое обновление. Только за последнее десятилетие Джамбул сложил свыше 140 песен, в том числе такие большие поэмы, как «Моя Родина», «Моя жизнь», поэмы «О Сталине», «О Ворошилове». В эти же годы Джамбул воспроизвел в новой редакции и свои старые дореволюционные поэмы. До последнего часа своей жизни он не выпускал из рук своей домбры, под ее незатейливое сопровождение выступая все с новыми и новыми поэтическими произведениями.

Чтобы охарактеризовать эти произведения Джамбула, следует прежде всего перечислить темы, к которым касался поэт, потом разобраны их жанровое строение, художественную природу. Но раньше следует сказать о том главном идейном содержании, которое сообщает всему написанному Джамбулом один характерный для него тон. Можно сказать, что вся эта масса произведений, которые созданы Джамбулом в его последнее, десятое десятилетие, как бы составляет одну непрерывную Большую песню. В этой Большой песне поэт касается разных сторон нашей действительности и вообще истории сегодняшнего дня. Вместе взятые, эти песни составляют своеобразную поэтическую летопись нашего времени. При всем поэтическом разнообразии эта Большая песня Джамбула выражает одну главную думу или одно главное чувство — страсть поэта. Это чувство — радость. Радость от сознания раскрепощения и обретения народом свободы и счастья. Это многосложное чувство. Оно вмещает в себя все, что может ощущать целый народ, ставший хозяином своей судьбы, осязающий мощь своих рук и силу своих замыслов.

У Джамбула есть одна песня, посвященная выборам в Верховный Совет в декабре 1937 года. Она называется «Песня ликования». В ней поэт говорит: «Ликуй и звонко пой, страна, в день торжества побед». Песня, говорит акын, «рвется из юрты». Он до предела взволнован тем, что «как

величавый слог поэм, заводов льется гуд, и самолеты в вышине, как беркуты, плывут». Он взволнован тем, что «для нас шумят хлеба в полях, для нас цветенье трав, — раскрыла глубина нам земля, богатства все отдав».

Поэзия прошлого выработала утонченнейшие формы, чтобы выразить печаль жизни, примирить человека с печалью, научить его наслаждаться грустью. Радость же никогда не была полноправным хозяином жизни. Поэзия еще не всегда умеет со всей человеческой глубиной и такой же сложной гаммой чувств выражать радость. Если подряд в ста произведениях воспевать одно и то же чувство радости, это может показаться монотонным. И он, конечно, есть, этот элемент некоторого однообразия, самоповторения в иных произведениях Джамбула. Но это однообразие идет от традиционной фольклорной формы, в которой находит свое поэтическое выражение радость Джамбула. Оно идет от ограниченности стандартных приемов и сравнений, выработанных в веках степными сказителями. Если бы в фольклоре не существовало каких-то общих поэтических схем, своего рода взаимозаменяемых деталей, то как же можно было бы певцу-сказителю сохранить в голове десятки тысяч строк эпических поэм?

В своей поэтической книге о Сулеймане Стальском лакский писатель, писавший на русском языке, Эффенди Капиев рассказывает, как родилось и заполнило всю душу

дагестанского ашуга это же самое чувство неудержимой радости.

«Что случилось? — сказал старик и огляделся. Дом, двор, сад — все стояло лицом к нему, говоря: «Доброе утро. . .» Почему на сердце нет камня? . . Камня, который всю жизнь сковывал его порывы? Нет его — и в том месте, где он лежал, лежит теперь в сердце, как дитя в колыбели, крохотная безъязыкая радость. И с каждым ударом сердца — раскачивается колыбель. Дитя растет. . .

Старик протер глаза. Тогда он вспомнил, что мир начал меняться с именем «Ленин—Сталин». Это было одно имя, оно означало родину, давно утерянную людьми. Оно возникло в его сердце само собой. . . Из далеких стран откликнулась ему теперь молодость, и старик стоял, держа руки на груди, слушая звон возвращающихся к нему из-за тридевяти земель его сил. Они шли, неся с собой могучие слова-самоцветы для песни, и здесь старик впервые почувствовал себя поэтом».

Подобные слова говорил и Джамбул. Такие же или, может быть, в другой расстановке, они рождались и у олонхосутов Якутии, и у лирников Украины, и у гусанов Армении, и у туркменских бахши — у всех тех певцов, кто плыл в океане народной речи и вместе с народом был «озарен взошедшим солнцем победы». Джамбул говорил: «В радости и волнении я подобен сабе, наполненной кумысом. Если в золотистый напиток

слов попадет пылинка, вы, не сердясь, сдуйте ее, сыновья». И еще: «...Мне кажется, что передо мною открывается страница новой книги, каждый день — лист, насыщенный новыми песнями. Ведь каждый день нашей жизни полон поэзии. Из своего аула я вижу, как с орлиным размахом растут новые люди новой жизни. Они переделывают даже самую землю. Я вижу, как они поднимают ту целину, которая веками оставалась нетронутой. Как легендарные батыры, сидят они на стальных конях — тракторах, комбайнах — и своей энергией наполняют весь мой аул, и я себя чувствую в девяносто пять лет молодым и сильным».

Мы называем удивительным — и оно в самом деле таково — творческое *превращение* Джамбула. Но разве не во сто крат более удивительно творческое социалистическое преобразование всей его родины? Еще вчера Джамбул — это босой, в рваном чапане старик в свои пятьдесят пять лет, не имеющий даже щепотки соли, чтобы бросить в котел, а сегодня этот столетний юноша в шапке, опушенной куньим мехом, в парчовом халате, подобного которому он не видел в прежнее время даже на султанах, подымается в Москве по лестнице Кремлевского дворца, чтобы встретиться с руководителями партии и правительства, чтобы принять из рук М. И. Калинина высшую награду в стране — орден Ленина. И за что? За песни? Да, всего лишь за песни, пропетые к тому все же дряхлым голосом, за песни, за кото-

рые раньше он мог получить лишь тумака от пристава в городе Верном или в лучшем случае снискать презрительную улыбку начальства по поводу «забав дикаря». Более того: сам глава государства, председатель Верховного Совета М. И. Калинин приезжает в гости к неграмотному старику в Узун-Агач и здесь на ковре перед домом акына, под вольной крышей неба беседует с ним, как равный с равным, о делах колхоза и всего государства. Такое действительно прежде могло только присниться во сне. И то, что сам Джамбул называл историю своей жизни сказочной, — это не романтика, не дань фольклорной традиции, это самый подлинный реализм.

Ну, а родина акына, казахская Степь? Разве перемены, совершившиеся в ней, не менее сказочны? Вчера это патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость, медленное оттеснение народа в пустыню, нищета, ночь поголовной неграмотности, гнет баев, кулаков, капиталистов. А сегодня?.. А сегодня это просто другая страна. Пятилетки социалистического строительства до неузнаваемости преобразили весь Казахстан. Казахский народ сложился в рамках своей государственности в новую казахскую социалистическую нацию.

В июле 1929 года в Алма-Ате впервые раздался гудок паровоза. Это был небывалый звук в городе, где в прежние времена отъезжающий слышал лишь ржанье лошадей и крик ослов, единственного транспорта

в те годы. И дальше год за годом вся Степь, ее города и аулы, ее пастбища и даже самые глухие пустыни начинают менять свое лицо. Ожили несметные богатства, веками запертые в ее кладовых: уголь, нефть, свинец, железо. Их добыли из недр земли руки человека, и они вошли в состав рельсов и поездов, которые пересекли из конца в конец великую Степь. Они образовали тело тракторов и комбайнов, автомобилей и самолетов. И все это сделали не те concessionеры из далекой заморской Англии, о которых Джамбул вспоминает в своей поэме «Бег времени». Нет, все это сделали сами бывшие кедеи и бишара (бедняки) с помощью своих дорогих друзей, русских рабочих, ученых, инженеров, с помощью великого творца счастья — Коммунистической партии.

Можно приводить целые колонны цифр, которые сами будут петь о том, что советская власть, социализм принесли в Степь. Вчерашние кочевники-скотоводы ныне добывают уголь Караганды, нефть Эмбы, драгоценную медь Джезказгана, свинец Чимкента. Казахские ученые выводят новые породы тонкорунных овец на склонах Ала-Тау, новые сорта хлопка в южных районах республики. Мировой рекорд сбора проса поставил не кто иной, как казах Чаганак Берсиев, а казах-писатель Габиден Мустафин написал о нем роман. Еще вчера великая Степь была почти поголовно неграмотной. К 1935 году уже 50 процентов казахов

освоили грамоту. А еще через пятнадцать лет Казахстан стал республикой сплошной грамотности. Если до Октябрьской революции в Казахстане издавались всего две газеты, то теперь на казахском и русском языках здесь выходит более 250 газет и журналов. Если раньше богатства Казахстана почти не были обследованы, территория Степи была сплошным «белым пятном», то теперь этих пятен, можно сказать, не осталось. И это все сделали советские люди. А ведь на территории Казахстана могут уместиться вместе взятые Англия, Франция, Германия, Италия и Япония.

Джамбул говорил, что под его босыми ногами некогда казался раскаленным булыжник перед домом верненского градоначальника. А теперь казахская столица Алма-Ата — это для каждого казаха свой родной город. Город в огнях, залитый асфальтом, город с казахскими театрами, Академией наук, с высшими учебными заведениями, сотнями школ, город с красивыми улицами и домами. И здесь хозяином стал бывший бедняк, а знатным певцом — когда-то «рванный акын», ныне уважаемый всей страной, патриарх народной песни Джамбул.

Это он говорил:

«Кто в мире сильнее и богаче моего народа?! Где в мире страна могучей и свободней, радостней моей Родины?!

Я иду, и солнце бессмертной дружбы народов освещает мне путь, и сердце мое поет

о рождении жизни» (перевод П. Кузнецова).

Вот все это вместе взятое определяет радостный тон Большой песни Джамбула и составляет ее содержание. В той несмолкаемой песне, которую пел Джамбул в свое последнее десятилетие, нашли выражение, как мы сказали, все стороны великого процесса революционного обновления нашей родины. О различных событиях и явлениях жизни своего народа — общественных, культурных, социально-экономических — сумел сказать свое поэтическое слово Джамбул. Он обращался к школьникам и ученым, колхозникам и летчикам, рабочим и писателям. Он говорил о своей радости то лирически, то в виде пафосной декларации или поэтической речи.

Вот пример лирического решения темы. В песне «На джайляу» акын рисует утро в родном колхозе Ер-Назар. В степи тишина. Приходят колхозники потолковать со стариком. Они говорят: «Веди нас на джайляу, Жаке»¹. Они просят вести народ туда, где налитая соком трава еще никем не вытоптана и чиста вода. И вот поэт садится на коня, и за ним двинулся весь веселый колхоз; резвятся жеребцы и скакуны. Джайляу, то есть летнее сочное пастбище, вырастает здесь в образ того счастливого настоящего, куда привела народ советская власть.

---

¹ Ж а к е — почтительно-ласковое обращение к Джамбулу как к старшему.

В другой лирической песне — в «Застольней песне» — Джамбул рассказывает о том, как у него в номере гостиницы за душистым чаем собрались гости — два казаха и один русский. И вот поэту кажется, что это чувство любви и дружбы, соединившее русских и казахов за одним столом, зовет и других к столу: «Пусть придет к нам грузин, узбек и таджик — будет встреча еще чудесней. Мы найдем с ними дружеский, братский язык и поделимся чаем и песней». За окном шумит Москва. Виден Кремль, и мысль акына сама собой переносится к партии, к Сталину. Это «он сдружил Москву и казахский аул, он сроднил все народы и страны». И отсюда рождается у поэта желание искать слова, «что теплее луча, что ласкают и греют душу».

Мотив братской дружбы советских народов пронизывает многие произведения Джамбула. Как живое поэтическое чувство, этот мотив возникает всякий раз, когда поэт ощущает себя *новым казахом*, гражданином великого Советского Союза, и когда он хочет выразить это *новое* самосознание. Джамбул говорит о дружбе народов в таких произведениях, как «Я песни пою в лучезарном Кремле», «Дочерям моей родины», в речи при открытии первой сессии Верховного Совета Казахской ССР (1938), в песне «Братьям по крови», «Закон счастья», в беседе «Рождение жизни», в песне «В час, когда зовет Сталин», «Пуля — врагу», в песнях о Москве и в песнях о Ленине и Сталине. В песне «Дружба народов», сложенной в

июне 1942 года, Джамбул говорит о гордости казаха, который на русском снегу принял из рук генерала Панфилова знамя гвардейцев, дар боевой!

Дружба народов — самое ценное завоевание национальной политики Коммунистической партии — нашла в песнях Джамбула многосторонний и глубокий отклик. В «Песне о братстве народов» Джамбул говорит о том, что в Советском Союзе «свободен казах, армянин, белорус, таджик и народ закаспийских сторон и все 60 возрожденных племен». А в песне «Советский Союз» акын, вспоминая, как кочевал он раньше полынной степью, видит теперь небывалое цветенье народных сил: «Поет страна. И хор племен до неба здравицу вознес». И еще: «Народы родины моей живут, как дружная семья. Десятки братских языков журчат ручьями на свободе».

Когда-то Тарас Шевченко в своей поэме «Кавказ» (1845) с горечью писал, что в империи царя «от молдаванина до финна на всех языках все молчат». А теперь, как говорит Джамбул в «Послании таджикскому поэту Лахути»:

Прислушайся — в дымных горах Дагестана
Журчат родниками слова Сулеймана.
И Янка, акын белорусских полей,
Льет песни теплее, чем крик журавлиный,
Запел весь Советский Союз многоликий:
Русские, тюрки, казахи, таджики.

В песне о Пушкине, спетой акыном в феврале 1947 года, в связи со столетней годов-

щиной гибели великого русского поэта, Джамбул говорит о том, что теперь народ поет пушкинскую песню вольно на сотнях языков. И всех их объединил русский язык.

И русский стозвучный волшебный язык
Единою волей и дружбой велик.

(Перевод А. Брагина)

Глубоко запала в душу жителя Степи великая правда истории наших дней, правда о благотворном творческом значении для всех других народов народа русского и его могучего языка, «друга племен». Да и как было Джамбулу не быть благодарным русскому языку. Ведь только потому, что русские поэты перевели Джамбуловы «жыры»¹, поэтические монологи, на русский язык, потому, что произведения Джамбула в поэтических переводах были напечатаны на страницах центральных газет, они и стали известны всему советскому народу.

Здесь уместно вспомнить, как дагестанец Эффенди Капиев, автор книги о Сулеймане

¹ «Жыры» — вид казахского силлабического стиха. Его ритм совпадает с ритмом музыкальной мелодии, которую акын извлекает из домбры и подпевает голосом. В «жыре» нет деления стиха, как в русской поэзии, на строфы (четырёхстишие или двустишие и т. п.). «Жыр» представляет собой единый поэтический монолог, образно-ритмическую речь перед слушателями. В казахском народном стихосложении существует пять основных размеров. Джамбул для своих поэтических монологов пользовался главным образом семисложным размером. Рифма не играет в казахском стихе значительной организующей роли. Главное — ритм.

Стальском, благоговейно говорил о русском языке: «О, великий русский язык! Стою перед тобой на коленях. Усынови и благослови меня, но не как приبلудного, а как найденного сына. Радуюсь, торжествую и люблю. Верен ли я твоим заветам? Точен ли в своих чувствах и порывах без примеси лжи? Родившись немощным и принадлежа к самому маленькому, затерянному в горах племени, я обрел тебя, и ныне я не сирота. О, как могуча, как светла и задушевна твоя стихия! Прости мои ошибки, если они грубы, то невольны! Прости и заблуждения отцов: без тебя нет и не было будущего, с тобой мы воистину всесильны!»

Один казах, другой лак, один житель степей, другой из горных ущелий, один профессионал-писатель, другой народный певец — акын, один, вошедший в русскую речь, как в родную стихию, другой, подошедший только к берегу этого океана, но оба — и старый и молодой — с разных концов страны и разными путями пришли к познанию сокровищ, открывающихся в русском языке. Прийти к такому пониманию передового значения русской культуры и орудия ее — русского языка, всем народам помогла Коммунистическая партия, помогла советская власть.

Славя социалистические преобразования, происшедшие в Казахстане, много песен посвятил Джамбул родным колхозникам, чабанам, коневодам. В этих песнях поэтические сравнения по большей части почерп-

нуты из аульного мира, столь близкого и знакомого акыну. У казахов, как и у горцев Кавказа, существует много названий, обозначающих не только конскую масть, но и разные возрасты коней. Так, в песне «Климабатыр» (1936) акын говорит, что, желая сделать подарок товарищу Ворошилову, он, поэт, будет выхаживать для него тонконогую сосунку. «По весне сосунок будет тай» (то есть годовалый жеребенок), «подрстет, будет резвый кунан» (то есть двухлетка), через три года он будет «дуненом». И только тогда конь будет готов для подарка Климабатыру. В песне «Аксакалу Калинину» рассказывается о том, как М. И. Калинин приехал в казахский колхоз, «чье имя Калинин». Джамбул создает картину нового колхозного хозяйства, где взрыта трактором целина и где на пастбище верблюжата спешат за верблюдицами, ягнята и жеребята за своими матками, веселя душу своими молодыми голосами. «Степь должна быть скотом богата», ты сказал нам, друг и брат».

Рисуя колхозное изобилие, Джамбул нередко прибегает и к фольклорным, легендарным образам. Например, в своей песне «Мастерам животноводства» он говорит, что у колхозных коней «львиные гривы».

Фольклорная гипербола — один из обычных приемов акына. Поезд Джамбул сравнивает с быстроходным конем. Но самый быстроходный конь — это легендарный Тулпар, одним махом перескакивающий через степь и озера. Отсюда рождается образ огнедыша-

щего тулпара. Турксиб вырастает в образ легендарного тулпара:

Где караваны пройти не могли, —
Стальные подковы тулпара легли.

Образ «железнодорожного тулпара» развивается и дальше. Коню нужен овес. Этот овес — «уголь красавицы Караганды». И, наконец, этот образ превращается в образ всей Советской страны, мчащейся к своим историческим целям:

По шару земному пути пролегли
Тулпару могучей советской земли,
И нет остановок и нет тупиков
Для наших сынов и для нас, стариков.

(Перевод П. Кузнецова)

Индустриализация Казахстана и внедрение машины в казахский быт нашли широкий отклик в песнях Джамбула. Акын говорит об электричестве Алма-Аты, о трамваях, автомобилях, тракторах, заводах и т. п. В песне «Привет народа» упоминаются такие вещи, как «медь Каксакпая», «свинец Кара-Тау», «черное золото Караганды», «Эмбы горячей густые фонтаны», «хлопок Чимкента» и т. п. В других стихах Джамбул говорит о Джекказгане, о Донбассе, об Урале, о Кузбассе, об Алтае («Съезду победителей»). Джамбул в своих песнях называет имена знатных стахановцев и себя именует «всесоюзным кочегаром», говоря, что встанет он на вахту родины, чтобы «шли поезда, как железный поток». Все эти новые слова, которых не было раньше в казахском

лексиконе, говорят о том, как расширились за годы социалистического строительства интересы и понятия казахского народа. Джембул сумел это уловить и выразить.

Акын пел в своей песне обо всех делах советского государства: о выборах в Верховный Совет и о боях на озере Хасан («Песня победы»), о воссоединении народов Украины и Белоруссии («Братьям по крови») и о борьбе испанского народа против фашистских легионов Франко. Джембул пел о городах Советской страны: о Москве и Ленинграде, о Фрунзе и Ашхабаде, о Тбилиси и Баку, об Ереване и Киеве, Ташкенте и Сталинабаде. Джембул откликается на юбилей Шевченко, Пушкина и Руставели. Примечательно, что украинцев и белорусов Джембул от имени русского народа называет своими братьями по крови. Это один из многочисленных примеров того, что политическое самосознание казахского акына перешагнуло за границы Казахстана и он ощущал себя поэтом всего советского народа.

Джембул поднимается на трибуны съездов Верховного Совета. На открытии 1-й сессии Верховного Совета Казахской ССР в 1938 году Джембул произносит поэтическую речь, которую заканчивает пожеланием, чтобы какой-либо из его внуков, «в халат из цветов и из славы одетый», открывал бы парламент народов планеты». Джембул считал своими сыновьями и внуками всех советских людей, не только казахов. С достоинством человека из народа Джембул обращался

с посланиями и к Максиму Горькому, и к Сулейману Стальскому, и к Лахути. Неграмотный старик, Джамбул с песней шел к детям в школу. Он говорил: «Родина! Ты колыбель наших школ».

Учителю песню Джамбул посвящает...
Советскую школу Джамбул посещает.
Там внуки Джамбула сидят за столами,
Решают задачи, летят над морями.
И смотрит за ними, и ходит вокруг
Учитель, их лучший товарищ и друг.

(Перевод Дм. Снегина)

Может вызывать удивление такой небывалый духовный и культурный рост престарелого акына. Но не нужно забывать, что это произошло не само собой. Во-первых, тематическое разнообразие песен, широта политических интересов Джамбула не являются только его личной особенностью. Это замечательное свойство всего нового советского фольклора, советских певцов и сказителей и других народов СССР. В этом расширении политического кругозора народных певцов, вообще в насыщении народной поэзии вопросами политики, интересами политической жизни — во всем этом непосредственно отразился огромный рост политического самосознания народных масс после Великой Октябрьской социалистической революции. Рост политического самосознания, а отсюда и тематическое многообразие характеризует советский фольклор всех народов СССР: России и Якутии, Украины и народов Даль-

него Севера, Закавказья и Хакассии. Многие темы, которые разрабатывал Джамбул как певец социалистических побед советского народа, мы встретим и у карельского сказителя Конашкова и у чувашского певца Шелеби и у туркменского шахира Дурды Қлыч. Близкое тематическое и идейно-художественное созвучие есть у Джамбула с Нурпейсом Байганиным. Тематически и по всему духу своей поэзии особенно близки друг другу Джамбул и Сулейман Стальский. И в этом нет ничего удивительного. Это закономерность развития устной народной поэзии, отражавшей и выражавшей советскую эпоху, живую жизнь и политические интересы всего советского народа.

В письме к автору этой работы поэт — переводчик Джамбула Павел Кузнецов рассказывает об обстановке, в какой создавались иные песни Джамбула, пропетые им перед народом. «На торжестве Казахстана» — это выступление акына на народном празднике в честь провозглашения автономии Казахстана. «Слово к молодости» — выступление на съезде комсомола Казахстана. «Песня народу» спета в государственной филармонии в Алма-Ате при встрече с партийным активом и интеллигенцией города после возвращения из Москвы. «Песня при получении ордена» спета в Кремле. «Песня гнева» — выступление на районном митинге в Узун-Агаче. «Песня съезду» — выступление на съезде Советов депутатов трудящихся. «Первомайская песня» — вы-

ступление на первомайском народном гулянии в парке культуры и отдыха в Алма-Ате. «Большевистской «Правде» — выступление на общегородском собрании рабселькоров в Алма-Ате. «Обращение к детям» — выступление в Алма-атинской детской музыкальной школе. «К Красной Армии» — выступление на встрече с красноармейцами и командирами Алма-атинского гарнизона. «Я избираю Сталина» — выступление на районном собрании, посвященном выдвижению И. В. Сталина кандидатом в депутаты Верховного Совета Казахской ССР. «Привет Кавказу» — выступление на юбилейной сессии правительства Грузинской ССР в Тбилиси. «Песня о жизни» — выступление на Руставелевском пленуме союза писателей в Тбилиси. «На родине Сталина» спета при встрече с колхозниками и рабочими в г. Гори. «Песня об искусстве» спета при встрече с работниками искусств Казахстана в Алма-Ате. «Слуга народа» — выступление перед избирателями Джамбульского избирательного округа. «Песня об Амангельды» спета при встрече со съемочным коллективом киностудии Ленфильм. «Песня любви и гнева» спета при встрече с генералом Панфиловым, офицерами его штаба и солдатами перед отправкой панфиловской дивизии на фронт. «Песня победы» — выступление Джамбула на II съезде Коммунистической партии большевиков Казахстана. «Речь депутата Джамбула» — этим выступлением Джамбул как старейший депутат открыл первую сессию

Верховного Совета Казахской ССР, «Ученному брату» — песня спета при встрече академика Келлера с колхозниками колхоза «Ер-Назар». «Москва моя» — выступление Джамбула на площади Пушкина в Москве во время народного гуляния, посвященного дню Конституции. «Мастерам животноводства» — выступление на казахстанском съезде мастеров животноводства. «Съезду большевиков» — выступление на III съезде Коммунистической партии большевиков Казахстана.

Эти примеры замечательно подтверждают положение о том, что искусство Джамбула рождалось из общения с народом. Большинство песен и стихов Джамбула являлись своего рода поэтическими речами.

Партия и советское правительство пришли к народным поэтам как лучший друг и учитель. Партия и правительство, по выражению Джамбула, «ходили вокруг и смотрели» за сынами народа, певцами и сказителями, помогали их идейно-политическому и художественному росту. Джамбулу заботами партии и правительства были предоставлены все необходимые условия, чтобы акын мог отдаться своему творчеству. Ему построили дом, подарили автомобиль, радио и т. д. Секретарь Джамбула, поэт Гали Орманов, рассказывает в своем очерке «День Джамбула», что уже с раннего утра начинал свой труд неутомимый старик:

«Просыпается он рано утром. Раньше всех в ауле. Выходит на пригорок, что за яблоне-

вым садом, и наблюдает, как пробуждаются горы, бескрайная, нарядная, в запахах цветов степь и его родной колхозный аул.

— Как интересна жизнь. Вы, умеющие читать книги, прочитали ли столько же, сколько я?

Свой день он проводит хлопотливо. Гости непрерывно приходят и уходят. Многолюдна и шумна юрта у Джамбула. И каждый, кто побудет с ним хоть один день, услышит и веселую песню, и древнюю легенду, и длинную, цветистую, как сама степь, народную поэму. Он не даст гостям скучать, обаятельный, остроумный старик!

В идейно-политическом развитии Джамбула, в расширении его кругозора значительную роль сыграли поездки в Москву, на Кавказ, выступления акына перед широкими аудиториями в Москве, в Тбилиси, в Гори, встречи с советскими писателями, беседы с руководителями партии и правительства. Все это не только поднимало творческое самочувствие и политическое самосознание акына, но и было для Джамбула школой. Джамбул совершает подряд четыре поездки в Москву (в 1936—1940 годах). Первый раз Джамбул приезжает вместе с участниками казахской декады литературы и искусства в 1935 году. Тогда был Джамбул награжден орденом Трудового Красного Знамени. Джамбул посещает мавзолей Ленина.

Все эти события запечатлелись затем в целом ряде песен Джамбула: «Ленин и Сталин», «Привет народа», «Песня народу»

и др. В этих песнях Джамбул говорит о работе партии о народе, о том, что «побратались Москва и аул». «Правда» писала тогда в статье, посвященной итогам казахской декады — «Искусство победившего народа»: «В течение многих столетий искусство казахского народа было загнано в подполье. Имея богатейший источник, оно не могло расти и развиваться. Зато, после того как казахский народ был освобожден Октябрьской социалистической революцией, его искусство блеснуло яркой радугой, ослепительным фейерверком»¹.

В декабре 1937 года с делегацией казахских писателей Джамбул снова приезжает в Москву и оттуда едет в Тбилиси на пленум Правления Союза советских писателей СССР, посвященный празднованию 750-летия поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Тогда же Джамбул совершил поездку на родину И. В. Сталина, в город Гори. Все это путешествие произвело на старого акына неизгладимое впечатление. Оно вызвало большой цикл песен, которые потом были объединены в книге «Путешествие на Кавказ». Сюда вошли такие песни, как «На родине Сталина», «Песня о Ленине», «Песня о Баку», «Песня о батыре Чапаеве», «Сынам Тихого Дона», о выборах в Верховный Совет и многие другие.

В мае 1938 года советская общественность отмечала 75-летие творческой деятельности

---

¹ «Правда», 1936, 27 мая.

казахского акына. Джамбул был награжден орденом Ленина. Его имя было присвоено Казахской филармонии, он был избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР. А позднее именем Джамбула был назван один из больших городов Казахстана, бывш. Аулие-Ата, стоящий на железнодорожной линии от Москвы к Алма-Ате. В дни своего юбилея Джамбул получил приветственные телеграммы от сотен советских людей, от коллективов заводов, фабрик, колхозов и т. д. К акыну в его юрту на джайляу в отрогах Ала-Тау почтальон на коне привозил телеграммы от прогрессивных деятелей из Америки, Франции, Англии, Чехословакии и других зарубежных стран.

В том же году, зимой, Джамбул снова посещает Москву. Встречается с М. И. Калининым. К Джамбулу в гостиницу приезжают многие москвичи — рабочие, писатели, пионеры, инженеры. Акын посещает московские заводы.

В феврале 1939 года вместе с большой группой советских писателей и сказителей Джамбул был награжден орденом «Знак Почета».

Вместе с Джамбулом правительство наградило большую группу народных певцов, подчеркнув тем самым роль устного народного творчества в развитии литературы народов СССР. Были награждены дагестанский ашуг Сулейман Стальский, туркменский шахир Дурды Клыч, чувашский народный поэт Шелеби, карельский сказитель Ф. Ко-

нашков, мордовские сказительницы Кривошеева и Беззубова, русская сказительница Марфа Крюкова и многие другие.

Позже, говоря о расцвете культуры социалистических наций в условиях неустанной заботы Коммунистической партии о народных певцах, М. И. Калинин писал, что «при советском строе получили широкое распространение произведения народных певцов, поэтов, сказителей: Джамбула, Токтогула Сатылганова, Сулеймана Стальского, Гамзата Цадаса, Феклы Беззубовой, Марфы Крюковой»¹.

В 1941 году Джамбулу за его песни была присуждена Сталинская премия второй степени.

Весной 1940 года Джамбул совершает последнюю, четвертую поездку в столицу нашей родины, чтобы принять участие в торжественном заседании в Большом театре, посвященном десятилетию со дня смерти Маяковского. Джамбул собирался выехать в Ленинград, побывать на финском фронте. В этом помешала ему болезнь. В «Правде» (от 1-го мая 1940 года) была напечатана беседа с Джамбулом. Джамбул говорил: «Из светлых окон самого большого дома Москвы я вижу Кремль. Красные звезды, как знамя, высоко поднимаются к небу. Мне кажется, что я стою на самой недоступной вершине Ала-Тау».

---

¹ М. И. К а л и н и н. О моральном облике нашего народа. М., Госполитиздат, 1945, стр. 14—15.

Акын правильно определил в этих словах, что он в Москве стоит на самой большой вершине не только своего творческого самочувствия. Так же точно умный дагестанский ашуг Сулейман Стальский, названный Горьким Гомером XX века, говорил о себе: «Я подобен зарытому в земле заржавленному оружию, которое коммунистическая партия, советская власть раскопали, придали блеск и остро отточили. . .»

Так же точно и казахский акын был «вышшен и поднят советской властью высоко, высоко», наравне со многими другими народными певцами. Это понимал Джамбул, который говорил, принимая в 1936 году орден из рук М. И. Калинина: «Награжден не я, награждена вся народная поэзия Казахстана».

Вот почему в многочисленных песнях Джамбула о социалистическом преобразовании нашей родины возникают как главные темы тема Москвы — сердца родины, тема партии и народа. О Москве Джамбул сложил несколько песен, проникнутых искренним лиризмом, любовью, восхищением. Акын рассказывает, как он спускался с думброй в метро («Песня о Москве»), как в Москве его старые глаза увидели такое, чего народ его не видел за всю историю, — они увидели правду жизни. Сулейман Стальский говорил, что семьдесят лет своей жизни он готов отдать за семьдесят минут, проведенных в Кремле, на этой самой высокой вершине мира; также и Джамбул говорил, что

он готов еще девяносто лет прожить, «хотя бы как самый последний кедей, чтобы час побыть в Кремле, чтобы вновь посетить мавзоль».

Превосходная степень, гиперболизм фольклора здесь возникает как форма выражения самого сильного чувства, пережитого поэтом. В этом чувстве слиты воедино и радость по поводу своей второй молодости и радость расцвета и возрождения всего родного народа.

Основным эпическим героем Большой песни Джамбула советской эпохи является сам народ. Песенное «я» Джамбула — это не его личное «я». Это «я» — народное. Не отделяя себя от родного народа, Джамбул рисует образ праздничного шествия казахов к счастью, изобилию, ко все новым и новым творческим победам. Солнце заливает землю. По всей стране бегут поезда, летят самолеты. Все дышит трудом, миром. Молодежь, взявшись за руки, поет песни. «Комсомол, ровесник мой, теснится к герою». Теснятся к нему девушки, джигиты, рабочие, колхозники. Гудят тракторы. И все это вместе счастливой толпой движется по широкой земле. Вместе со всеми на коне движется Джамбул. И душа у него, «как обмывшаяся луна, песней цветет, свежа и юна».

Мчатся столетия на скакуне...
Едет Джамбул по любимой стране.
Он, как орел над вершиной Кавказа,
Взлетает душой, не кривившей ни разу,

Он перед баями спину не гнул...
Едет овеванный славой Джамбул.

(Перевод П. Кузнецова)

Могут сказать, что этот образ движения народа к коммунизму, каким он вырисовывается в песнях Джамбула, слишком праздничен. Здесь нет показа трудностей, конфликтов, противоречий самого исторического процесса. Это верно, хотя и не совсем. У Джамбула есть песни (например, «Песня гнева», «О змеях» и др.), в которых он гневно клеймит шпионов, троцкистско-бухаринских бандитов, пробравшихся в наши ряды. Но все же придется признать, что не все стороны нашей действительности получили отображение в искусстве Джамбула. Противоречия истории, через которые проходит всякое развитие, даны у акына только в старой, антагонистической форме: бай и беднота, ханы и народ и т. д. Борьба же между новым и старым в процессе социалистического развития слабо отражены в поэзии Джамбула. Впрочем, опять-таки это особенность не только одного Джамбула. Это закономерный процесс становления социалистического реализма вообще в устной народной поэзии в советскую эпоху. На этом пути овладения новым художественным методом, обеспечивающим показ жизни во всей ее глубине, народным сказителям пришлось преодолевать многие окаменелые каноны и традиции прошлого. Давление этих традиционных форм и канонов, естественно, го-

раздо значительнее в устной народной поэзии, чем в письменной литературе.

Можно ли рассматривать художественный прием Джамбула, основанный на применении двух густых красок — красной и черной, как применение принципа заострения образа? Принцип заострения образа не является особенностью только метода социалистического реализма. Гипербола и гротеск не только широко известны в мировой литературе, но присущи и фольклору. Однако мы думаем, что было бы неправильно ставить знак равенства между принципом заострения образа в социалистическом реализме и теми средствами усиления художественной впечатляемости образа, какие выработаны в устной народной поэзии. Заострение образа в рамках социалистического реализма призвано служить подчеркнутому выявлению типического в человеке и в исторической действительности. Оно не исключает, но предполагает психологическую разработку человеческого образа. Социалистический реализм может использовать (и использует в действительности) обширный и сложный арсенал изобразительных средств словесного искусства в целях наиболее глубокого и проникновенного раскрытия жизни в ее историческом развитии.

У Джамбула, как типичного представителя устной народной поэзии, и арсенал его изобразительных средств прежде всего, как мы уже говорили, опирается на фольклорные традиции. Приемы фольклорного

заострения образа акын подчиняет задаче яркого, усиленного подчеркивания того, что характеризует социалистическую действительность. Возьмем, например, песню Джамбула «Мастерам животноводства» (1938). В духе фольклорных сравнений Джамбул характеризует в этой песне советский народ. Он говорит, что его народ «высокоплечий» «шагом смелым расколет и камни, крыльями смелыми к солнцу взмахнет».

Это, конечно, заострение сказочного, фольклорного характера. И многие другие уподобления и сравнения в разбираемой песне, да и в других песнях Джамбула носят такой же характер. Если взор, то обязательно «орлиный»: «Взором орлиным увидит лисицу». Рост у мастеров животноводства «небывалый». Они «радостны, как молодая луна». У колхозных коней «львиные гривы». А вот как Джамбул изображает колхозную корову:

Корову колхозную холит рука,
Корова колхозная высока.
Рогами заденет она облака,
А вымя, касающееся земли,
Клопочет фонтанами молока.

(Перевод П. Кузнецова)

Прием фольклорного заострения образа, фольклорной гиперболы проходит через все песни Джамбула, усиливая их общий празднично-ликующий тон.

Однако было бы ошибкой считать подобную праздничную ноту в произведениях

Джамбула чем-то нереалистическим, полученным в наследство от фольклорной традиции. Оптимизм, общий радостный тон — это свойство всей советской поэзии. Он является выражением творческого подъема советских людей, побед социализма, нашей уверенности в своем завтра. Маяковский предлагал славить «веселье труднейшего марша в коммунизм». Маяковский видел это труднейшее, но оно не заслоняло от него главного: радости победы. Джамбул, как и многие другие народные сказители, подобно лучшему, талантливейшему поэту революции, хотя, несомненно, и с меньшей глубиной реализма, нежели это делал Маяковский, хорошо умел выразить это *веселье народной победы*.

Центральным героем Большой песни Джамбула (как мы ее назвали, то есть его песен на современные, советские темы) является сам народ. Тема народа присутствует в Большой песне Джамбула как тема социалистических побед, тема родины, как тема партии. Широта кругозора, полет мысли Джамбула — вот что привлекает в его песнях. Это эпическое восприятие действительности и рождает у Джамбула образы широкого обобщающего плана:

Я соколом смелым взлетел в вышину
И вижу счастливую нашу страну.
Я вижу: моя обновилась земля,
Бушуют сады, расцветают поля.
Куда ни поедешь, куда ни пойдешь,
Как звезды сияет моя молодежь.

Все внуки мои и мои сыновья, —
Большая моя молодая семья.

(Перевод М. Исаковского)

Эпическая трактовка темы народа естественно сочетается у Джамбула с воспеванием лучших сынов народа, то есть его батыров, героев, руководителей партии и правительства. Сквозь множество произведений Джамбула проходит образ Коммунистической партии как семьи батыров, ведущих народ от победы к победе. Например, в речи на II съезде КП(б) Казахстана 10 июля 1938 года Джамбул, обращаясь к коммунистам, говорил: «Носители славы великой страны, огни золотые любимых степей, вы — сила и молодость песни моей». В этой «Песне победы», как назвал ее акын, Джамбул говорит, что в его песне слышны привет и любовь самого народа:

... Народ, как утес Ала-Тау, могуч,
Народ, как прибой океана, могуч.

(Перевод П. Кузнецова)

Это типично для Джамбула: объединять народ и Коммунистическую партию. Потому хочет акын Коммунистической партии в первую очередь подарить свою песню, с нею делить свою радость, что большевики «словом и делом народу верны».

В уже упоминавшейся нами песне «Мастерам животноводства» Джамбул писал:

Партия к новым победам зовет.
Партия к новым победам ведет.

Партии мы свою клятву дадим,
Партии силы свои отдадим.

В марте 1939 года Джамбул обратился к XVIII съезду партии с «Песней съезду победителей». Джамбул говорил, что его крылатая песня, летящая над страной, посвящена народу, значит — его лучшим сынам, большевикам-коммунистам, «героям, не знавшим в боях поражений, героям, на счастье народа рожденным, партией нашей в боях закаленным» (перевод П. Кузнецова). И дальше еще говорит Джамбул о партии:

Как сердце свое посылает тебя
На съезд победителей песня моя.

В другой песне («Съезду большевиков») Джамбул также говорил о том, что он приходит на праздник не один, а с большой семьей певцов. Джамбул нашел очень верные и точные слова, выражающие отношение народа к коммунистам, к Коммунистической партии:

Вы в труде — пример для всех,
Там, где вы, всегда успех, —
Молот славы — это вы,
И победами крепка
Всюду жизнь большевика.

(Перевод П. Кузнецова)

Акын говорит в этой песне, что именно большевики дали народу то, о чем мечтал и что искал в веках. И, называя коммунистов своими сыновьями, с гордостью пел Джамбул:

«Вы столетнего меня
Не считайте стариком,
Я иду большевиком,
Не склоняя головы,
Вместе с вами, там, где вы.

(Перевод П. Кузнецова)

В духе народно-эпической традиции в поэзии Джамбула, естественно, возникают образы батыров. Батыр, то есть эпический герой, отличающийся могучей силой и храбростью, орлиной дальноркостью, мудростью и другими высокими человеческими качествами, является естественным участником песен Джамбула о народе, о партии. Батыр — это лучший сын народа. В песне «Батыры нашей эпохи» (1939) Джамбул говорит, что батыры сопровождали всю историю казахского народа. Правда, в числе героев в этой песне он упоминает имена не только участников народноосвободительной борьбы, но и некоторых сподвижников Кенесары (например, Суранши).

Тема народного вождя именно как тема богатыря, выдвинутого самим народом и ведущего его к светлому будущему, — важная тема в поэзии Джамбула. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что в песнях Джамбула значительное место заняли образы гениального вождя революции В. И. Ленина и его великого продолжателя И. В. Сталина.

Создавая образы руководителей партии и правительства, Джамбул выражал в своих песнях величайшую любовь народа к тем

людям, которые в сознании трудящихся масс стали живым олицетворением партии, избавившей трудящихся от капиталистического рабства и нищеты прошлого, стали живым олицетворением народных побед в революционную эпоху. Джембул, как и другие представители устной народной поэзии советской эпохи — ашуги, акыны, шахиры и сказители, — вкладывал в имена героев своих поэм не столько представление о личности того или иного деятеля революции, сколько именно радость и благодарность народную, готовность трудящихся пойти по первому зову за теми, кто указал им верный путь в светлое будущее. В этих песнях Джембул выражает любовь народа к Коммунистической партии, к тем ее крупнейшим деятелям, кто проявил столько великой заботы о всех сторонах народной жизни.

В то же время сама традиционная форма воспевания батыров, составляющая наследие казахского эпоса, внесла в это воспевание элемент крайней гиперболы и возвеличения. Таких гиперболических сравнений реальных исторических деятелей с солнцем, с лунной, со звездами, с высочайшими снежными вершинами, с могучими морскими волнами и т. д. у Джембула много. В этих случаях традиционная фольклорная форма, в сущности, оказывается в противоречии с тем живым человеческим чувством, которое акын вкладывал в свою песню.

Сквозь строй традиционных гиперболических сравнений, одического воспевания,

сквозь эти традиционные словесные одеяния батыров мы все же можем ясно различить и по-человечески почувствовать то живое искреннее отношение, которое было у Джамбула к В. И. Ленину, к И. В. Сталину, к другим деятелям революции, выражавшее подлинные чувства самого советского народа.

К образу Ленина Джамбул обращается всякий раз, когда касается коренных вопросов народной жизни. Еще в поэме «Бег времени» Джамбул говорил, что встать с колен народу-исполину помог Ленин. С Лениным «в совет пришла заседать беднота».

В песне «Над миром светит одна звезда», сложенной в 1940 году к двадцатилетию Казахской республики, Джамбул, как обычно, вспоминая пережитое, с чувством неподдельного волнения обращается к тем годам, когда впервые он услышал имя Ленина. Кстати сказать, в этой песне общая картина дана в не совсем обычном для Джамбула плане. Это элегическое воспоминание. Джамбул говорит о том, что его «сарай» был полон печали. Беззвучна была земля. Не пели даже птенцы в ковылях. Даже месяц ушел в густые облака. Даже летом глина была вязка. «Шелест осоки не слышен вдали, в берег волной не плещет Или, в небе не слышен гусей разговор, вечен покой лебединых озер...» (перевод П. Кузнецова).

И вот пришла гроза. Хлынули воскресшие воды. Выпрямив спину, запел народ. И это слово было: «Солнце вселенной для всех поколений — Ленин... Ленин... Ленин!...»

Мысль о том, что Ленин — это сам народ, что это олицетворение упований и мощи самих миллионов, что это символ освобождения, — вот первая мысль, которую утверждает Джембул в своих произведениях. Ленин — вождь миллионов. . . Джембул говорил (в песне «В мавзолее Ленина», 1936):

Мой Ленин! Тебе эта песня сейчас.
Мой Ленин, живешь ты в каждом из нас,
Как солнце, согрев миллионы,
Миллионы тех, кто с нуждой дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил,
Миллионы людей угнетенных.

(Перевод П. Кузнецова)

Эпическая характеристика Ленина сочетается у акына с лирикой. Эпическая трактовка ленинского образа выражается прежде всего в том, что к образу Ленина Джембул возводит все великие исторические события наших дней, все большие движения современности. Так с именем Ленина Джембул связывает и дружбу народов и победу социализма в Советской стране. В «Песне о Ленине» (1937) Джембул говорит, что Ленин жив в напряженной борьбе наших дней, в огнях электричества, в песнях народа, во всей его счастливой судьбе: «Бессмертен твой образ! Миллионы, шагая в рядах, ему подражают, горя в благороднейшем рвении». Джембул говорит, что Ленин живет и в отваге китайских бойцов, и в китайских солдатах, и в геройстве тех храбрецов, которые выступают против «черного фашизма», и в

тех народных борцах, которые в тюрьмах не слагают своего оружия. Ленин движет не только советских людей, но и «на бой поднимает народы закованных стран».

Такое эпическое восприятие Ленина, естественно, обращает Джамбула к арсеналу тех сравнений, метафор и образов, какие акыну ближе всего, то есть к арсеналу родных казахских сказаний, легенд о батырах, о героях, к арсеналу привычных эпических художественных приемов. А это влечет за собой и широкое применение традиционной фольклорной гиперболы. Чтобы подчеркнуть всеобъемлющую силу Ленина, Джамбул сравнивает его с «бушующим океаном», с «горным потоком», с «водопадом, дробящим скалы». Наиболее частое сравнение Ленина — «батыра человечества» — со степным орлом.

Песни Джамбула о социалистических победах советского народа, каких бы тем они ни касались — дружбы народов, социалистической индустриализации, коллективизации, вопросов культуры, наконец, создания Конституции СССР и т. д., — неизменно касаются роли И. В. Сталина, как великого продолжателя дела Ленина, в жизни советского народа.

Широкий эпический образ И. В. Сталина создает Джамбул в своей поэме «Сталин» (1937). Это поэма о народе и герое. Джамбул говорит в поэме, что как бесплодная земля не заблещет золотом, так и народ не полюбит героя, если он не живет с народом.

В духе народных легенд Джамбул рассказывает о рождении и молодых годах Сталина и о его дальнейшем жизненном подвиге.

Обращаясь к традиционным сравнениям, к фольклорной гиперболе, акын сравнивает Сталина с «хрустальным родником», с «солнечным пиком», который стоит выше всех хребтов и утесов, с «мощью урагана», с Памиром и т. д. Традиционная гипербола перемежается выражениями личной, душевной любви к Сталину, приглашениями в гости на кумыс, приглашением проехаться на аульном коне: «Мы б угостили тебя кумысом, трубку б набили твою табаком» и т. д. Так живое, личное, человеческое отношение у Джамбула все время прорывается сквозь легендарное и традиционно-эпическое. И это придает теплоту и подлинную лиричность произведениям акына, посвященным В. И. Ленину, И. В. Сталину и их соратникам.

С большой любовью Джамбул пел о Кирове. В песне «Наш Киров» (1939) Джамбул представлял себе, что Киров в простой шинели идет к народу по казахской степи:

Разве от ветра заглохнет родник?
Разве от пули умрет большевик?

Среди произведений Джамбула выдающееся место занимает его «Поэма о Ворошилове» (1937). К образу Ворошилова акын обращается во многих песнях (например, «Клим-батыр» и др.). «Поэма о Ворошилове» — большая песня-сказание —

сохраняет в самом построении и традиционный зачин и традиционный принцип сравнения нового батыра с батырами прежних времен. В зачине поэтически говорится о том, какую представляет себе свою песню певец. Джамбул говорит, что в мире идет война, льется кровь в Испании, в Абиссинии, что даже созревающий колос шумит тревогой, и вот певец поднимает свою песню, чтобы она пролетела и над плеском арыков, и над степью, и над тополями, и над садами и кибитками, и в «предгорьях орлиного Таджикистана», и в «полях нефтеносного Азербайджана», над всеми республиками Союза. После такого зачина идет выдержанный опять-таки в плане широкого исторического повествования рассказ о жизни Клима Ворошилова.

За описанием детства, которое в представлении жителя степей оказалось весьма приближенным к быту бедного кочевника, следует повествование о юных и зрелых годах Клима Ворошилова. Эта часть поэмы содержит больше конкретных деталей из биографии Клима Ворошилова. Акын рассказывает, как «стройный и веселый джигит» работал в Донбассе, который, как объясняет акын, похож на Караганду. Его герой жил «в кругу украинских и русских рабочих», таких же «бездомных, как Клим, привычно глотавших удушливый дым».

Интересно отметить, что в этой поэме Джамбул вспоминает и о Шевченко, чьи песни любил распевать «Клим».

В свою очередь украинский поэт Микола Бажан в статье «Поэт народа», посвященной 75-летию творческой жизни Джамбула, писал: «Когда я в Тбилиси на празднике дружбы народов услышал мудрый, проникновенный голос седовласого певца казахского народа, родившегося в те годы, когда на родине его, измученной и угнетенной, жил такой же измученный и угнетенный поэт Украины, тогда я подумал о том, что Шевченко и Джамбул — не далекие, чужие друг другу люди, не понимающие один другого. Нет! Шевченковским гневом и ненавистью пронизаны слова Джамбула о проклятом и нечеловеческом прошлом. Джамбул видел и знал страшные картины угнетения и одиночества, которые видел и Шевченко. Но Джамбулу дано видеть то, чего Шевченко видеть не мог. Джамбул увидел и воспел тот расцвет и счастье и радость, о котором, вместе с бедным, одиноким казахом, мечтал на берегах Арала солдат и кандальник Шевченко. Нет! Те поэты, которые умеют жить одним сердцем со своим народом, не могут быть чуждыми один другому, не могут быть чужды и иным народам, ибо нет чужих, далеких и непонимаемых народов в братской семье Советского Союза. И Джамбул сам подтвердил это всем своим творчеством, всей своей жизнью. Я радостно вздрогнул, когда услышал из уст мудрого и прозорливого певца Казахстана имя Шевченко, сплетенное в песне с именами Пушкина и Руставели, ибо это было еще одним живым и глубоким

утверждением единства нашей социалистической культуры во всем ее национальном многообразии».

Вторая половина поэмы дает картину боев под Царицыном, где «снова сошлись под огнем боевым батыр революции Сталин и Клим». Победа летела за Климом, как птица. Его слава затмила славу Искандера. Вот уже разбит Деникин, разбит Врангель. И боевые скакуны несут Ворошилова и Буденного вперед и вперед. Сын Степи, Джамбул называет в своей поэме и масти коней, которые были под славными батырами. Эти кони гнедые, каурые и вороные. Одна из картин или глав поэмы рисует парад Первого мая на Красной площади, который принимает прославленный маршал.

Заканчивается поэма славой в честь Советской Армии и ее командира.

В ней герой-батыр не только не отделен от народа, не поставлен над ним, как владыка, подобно эпическим героям старинных восточных поэм (Джамбул упоминает Искандера, героя поэм Низами и Навои), но показан в глубоком единстве с народом, как часть его. Новые батыры советской эпохи — это батыры бедноты, прошедшие ту же жизнь, что и сам народ. Отсюда глубокая любовь и восторженная здравица акына в их честь.

Такова одна из главных тем Джамбула. Среди народа казахский акын видит и себя со своей домброй. Вот он едет на коне. Все сияет вокруг. Светит солнце. Вместе с пар-

тней, со своими руководителями народ движется в сказочную страну счастья Жидели-Байсын, в страну коммунизма.

6. ТРАДИЦИОННОЕ И НОВАТОРСКОЕ

Развитие социалистической культуры у каждого народа происходит в национальных формах, присущих данному народу.

Это теоретическое положение всецело было оправдано всем ходом развития советской культуры. В частности, творчество Джамбула может быть убедительной иллюстрацией к этим словам. Втянутый Октябрьской революцией в строительство социалистической культуры, в создание поэтических произведений о борьбе народа за новую жизнь, Джамбул, как советский поэт, естественно, стал выражать новые идеи и образы, внушенные ему советской эпохой, на языке и в формах, сложившихся в прошлом.

Джамбул обращается в своих песнях к слушателям, прибегая к традиционным поэтическим средствам, на языке преданий и обычаев, понятных своему народу. Можно привести множество примеров, как Джамбул новое объясняет через старое. И значительно реже Джамбул старое объясняет в терминах нового. Самый словарный состав произведений Джамбула насыщен множеством таких образов и понятий, которые, собственно говоря, непередаваемы на русский язык и

представляют собой чисто национальное или даже локальное понятие. Вот, например, часто встречающийся в его песнях образ Жидели-Байсын. Буквальный перевод значит — «богатая джадой» (ягодой). Но Джамбул употребляет этот образ как сказочный образ обетованной страны всеобщего счастья. Земля с джадой для жителя полупустынной ковыльной степи представлялась символом приволья, изобилия. Вспомним, что Утеген в поэме Джамбула ищет для своего народа именно такую страну, где в первую очередь было бы хорошо коням, была бы свежая, сочная трава.

Возьмем другой образ, также не раз встречающийся в песнях Джамбула. Это страна Жер-Уюк, страна справедливости. Тоже образ чисто национальный. Судьба труженика-казаха была всецело в руках родовых главварей, биев, султанов, ханов. И в устной поэзии, естественно, родился образ, выражавший мечту народа о справедливости, о независимости правовых отношений от произвола биев и других родовых заправил. В сильно написанных сценах убийства бедняка Кодара, облыжно обвиненного родовыми заправилками в сожительство с родной дочерью, Мухтар Ауэзов в романе «Абай» хорошо показывает тираническую силу и произвол староказахской родовой «юриспруденции». Образ страны справедливости Жер-Уюк также стал образом казахского фольклора. У Джамбула оба образа-понятия — и Жидели-Байсын и Жер-Уюк — привлекают-

ся для характеристики нового социалистического строя. Новое объясняется через старое.

Или возьмем такое слово, как «аксакал». В буквальном переводе это значит «белая борода». Но у казахов это значит — старейшина, почтеннейший человек. Так обращается Джамбул к Калинину в своей песне «Аксакалу Калинину». Если русскому человеку это мало что говорит, то казаху такое обращение говорит очень много. Так Демьян Бедный в своих стихах называл Калинина всероссийским старостой. Староста — крестьянское понятие старого времени, и оно было доходчиво для массового русского читателя в 20-х годах. Теперь слово «староста», взятое из дореволюционного крестьянского обихода, уже утратило свою живую выразительность. Оно оттеснено новыми понятиями и словами, возникшими на почве социалистических отношений и укрепившимися в сознании масс вместе с ними. Теперь не староста первое лицо в деревне, а председатель (сельсовета, колхоза), секретарь (партийного комитета), бригадир и т. п. То же и у тюркоязычных народов. Хотя слово «аксакал» и бытует еще в аулах и кишлаках народов Средней Азии, но тоже уже начинает оттесняться общесоветскими понятиями — «председатель», «бригадир» и т. д.

Джамбул обращается к соратникам Сталина, называя их «жамагат». Но такого слова нет в русском языке. Оно обозначает вежливое обращение не к одному человеку, а к целой группе лиц. Это слово родилось

у кочевого народа, где человек, входя в юрту, заставал в ней сразу нескольких человек и ко всем сразу обращался одним словом.

Или, например, характеризуя достаток богатого скотовода, Джамбул говорит, что он «тулик-мал» (или «торт-тулик»). Опять-таки это чисто степное, национально-казахское понятие. Оно обозначает, так сказать, полный комплект скота, полагающийся у каждого хозяина. В этот комплект входят четыре вида скота: лошади, овцы, коровы и верблюды. Все это вместе и называется «тулик-мал».

Такие национальные и локальные образы и понятия во множестве насыщают песни Джамбула. Их назначение у поэта не только передать национальный колорит казахской жизни, но и через него объяснить новое, сделать это новое, советское более понятным и доходчивым. Выше мы уже приводили пример того, как Джамбул сравнивает поезд с тулпаром. Но вот другое сравнение. В «Песне народу» Джамбул говорит: «Я ехал при солнце и при луне на кара-айгыре». «Кара-айгыр» — это казахское обозначение черного жеребенка, скакуна черной масти. Так Джамбул назвал поезд. Тулпар — это гипербола, это сравнение, переводящее реальный образ поезда в сказочный, легендарный. Сравнение с кара-айгыром, наоборот, подсажено реальностью. Акын называет черный паровоз черным скакуном.

Когда Джамбул сравнивает «Клима» с

«арстаном», то есть с львом, или со звездой, когда Пушкина сравнивает с океаном или со сказочной птицей, то это сравнение формальное, приобретающее отвлеченно-легендарный характер, хотя оно и традиционное, в фольклорном духе. Но когда Джамбул говорит, что горы сверкали «белой чалмой», или говорит, что самолет проплывает в дальние края, как «белоплечий беркут», то это уже локальное реалистическое сравнение, под-сказанное действительностью.

На примере поэтики Джамбула мы можем видеть, как традиционные образительные приемы, присущие казахскому фольклору и в веках разработанные акынами, могут и служить делу реализма и, наоборот, являться помехой в выражении той мысли, которую поэт хочет довести до своих слушателей. Когда в поэме «Моя Родина» Джамбул говорит, что перед разумом Сталина меркнет «фарыз-сундет», то есть весь свод мусульманских законов, то это убедительное сопоставление в первую очередь для казахомусульманина. Но когда Сталин сравнивается с чинарой, у которой золотой ствол, то это дань формальным приемам фольклора.

Или вот другое уподобление. Здесь берет-ся образ из мира казахских сказок и легенд. Этот образ близок и понятен казаху. И все-таки он приобретает отвлеченный характер, потому что реальную жизнь переводит в условный, сказочный план. Так в одной из песен Джамбул говорит о Сталине, что он «в думах моих золотой бай-терек, раскинув-

ший гордо над зноем, над стужей могучие ветви из чистых жемчужин». Получается дань «восточной красивости». Что такое байтерек? Это опять-таки неперебиваемое понятие, почерпнутое из казахских сказок. Байтерек — это легендарное дерево с жемчужными ветвями. «Не то», — скажет советский читатель и будет прав. А вот когда дальше в той же песне Джамбул говорит, что раньше его народ шел верблюжьими тропами, а Сталин открыл народу широкие дороги и что было далеким, то стало близким, то все это вполне убедительно выражено в формах и понятиях, близких жителю степи.

У Джамбула читатель не раз увидит следы борьбы за то, чтобы реальность нового вошла в песню не в платье условных архаических сравнений, а в тех формах, которые близки обычаям, нравам казахского народа. Локальное сравнение, локальная метафора, довольно обычная в фольклоре, — наиболее часто практикуемый изобразительный прием в поэтике Джамбула. Вот, например, «Песня о большом караване» (1937). Основу этой песни составляет центральный образ всей советской поэзии Джамбула, образ советского народа-победителя, движущегося к коммунизму. Картину этого движения Джамбул сравнивает с движением многолюдного каравана. Это глубоко традиционное сравнение. Образ каравана, как символа человеческой жизни, имеет в поэзии Востока поистине тысячелетнюю традицию. Уподобление, в частности, истории наших дней движе-

нию каравана мы встречаем в советской поэзии и у узбекского поэта Гафура Гуляма и у других. У Джембула названная нами песня вся построена в плане развернутой локальной метафоры, то есть в плане последовательно проведенного уподобления движения каравана движению советского народа: «Я вижу: идет по земле караван и в том караване одиннадцать стран»¹. На своем пути караван — советский народ — преодолевает трудности. Эти трудности Джембул характеризует в духе опять-таки традиционной фольклорной гиперболы, то есть караван преодолевает вершины, «выше которых нет»; он преодолевает ущелья, «глубже которых нет»; он идет по равнинам, «шире которых нет». Так идет караван «великой дорогой побед». Все дальше и дальше идет караван «к джайляу, где зори сияют вдали, где полное счастье земли, где явью встает золотой Жер-Уюк, где сочен весенний невянувший луг».

«Песня о большом караване» — пример последовательно осуществленного принципа развернутой локальной метафоры, назначение которой объяснить новое через традиционный образ, уходящий корнями в национальный казахский быт. Но интересно в песне и другое. Вся ее вводная часть представляет собой обычную у Джембула широкую поэтическую характеристику расцвета

---

¹ В 1937 году СССР объединял одиннадцать союзных республик.

социалистической жизни под солнцем советской Конституции («Наш радостный труд охраняет закон, и отдых нам предоставляет закон» и т. д.). Вся эта характеристика дана в прямой, неметафорической форме, и она не связана с последующим развернутым уподоблением движущегося народа каравану.

Образ каравана встречается и в других песнях Джамбула, например в песне «Батыр в стальной шубе» (1940) о финской войне: «Лают собаки, идет караван», в «Песне съезду» и во многих других.

То, что мы отметили в выше разобранный песне, мы встречаем в подавляющей массе произведений Джамбула советского периода. Реализм прокладывает себе дорогу у народного певца, то удачно используя традиционные формы и изобразительные приемы, то приходя с ними в противоречие.

Какую бы песню Джамбула мы ни взяли, мы неизменно встретим в ней сочетание разных стилей, разных изобразительных приемов: одна линия идет от традиции, другая от того нового, что сама советская действительность подсказывала столетнему акыну.

В песне «Москва моя» (декабрь 1938 года) Джамбул сравнивает горбатые мосты через Москву-реку с большим верблюдом (наром) на отдыхе, а про себя акын просто говорит, что он, Джамбул, «любимый сын Москвы». Джамбул использует то традиционный анафорический запев, то есть за-

пев, начинающийся одними и теми же словами, то простую доходчивую--афористичность народной пословицы.

Иногда в его образном строе, как мы видели, возникает противоречие между содержанием и формой. Приемы традиционной поэтики порою не отвечают задачам реалистического изображения нового, мешают выразить его существо (как, например, уподобление советских героев Утегену, Кобланды, Манасу, Тимуру и т. п.). И, наоборот, в иных случаях можно наблюдать удачное, то есть соответствующее задачам реализма, использование Джамбулом национальных образов и понятий для характеристики нового (как образы Жидели-Байсын, Жер-Уюк, джайляу и т. п.). Новое входило в поэтический мир Джамбула с каждым годом все полнее, и это влекло за собой углубление реализма, его приемов, постепенное освоение акыном метода социалистического реализма, расширение и обогащение словарного состава его песен, расширение всех стилистических изобразительных средств.

Словарный фонд каждого национального языка, как известно, оставаясь неизменным в своей основе, в своем ядре, в то же время пополняется за счет новых слов, вошедших и входящих в употребление в ходе советской жизни. Этот процесс отчетливо можно проследить по произведениям Джамбула. Мы уже говорили о том, как сравнительно много новых имен и понятий — политических, социально-экономических, географических, обще-

аульных — вошло в песни Джамбула. Это как нельзя лучше иллюстрирует идейно-творческое развитие акына, умевшего шагать в ногу с развитием казахской советской литературы, в ногу со всем народом.

Особенно отчетливо сдвиг в сторону большего насыщения своих песен конкретными реалистическими деталями, словами, взятыми из общесоветского обихода, мы наблюдаем в произведениях Джамбула последних лет его жизни, особенно в годы Великой Отечественной войны. В этих произведениях Джамбул в меньшей степени прибегает к фольклорной гиперболе. В то же время в песнях этого периода весьма значителен национально-исторический элемент. Так, например, песня «Богатырям, ломающим преграды» построена на целом ряде исторических параллелей. Джамбул, наставляя воинов, идущих в бой, обращается к образам национальных героев. Это образы великих предков, вдохновляющих каждый народ. Не исключено, что этот ход поэтической мысли Джамбула был внушен акыну речью И. В. Сталина 6 ноября 1941 года, в которой Сталин говорил об образах великих предков, вдохновлявших русский народ на защиту своей советской родины. Джамбул пел в этой своей песне, что русский, отправляя своего сына и внука на бой, говорил ему: «Ты Чапаевым должен стать». Казах говорил: «Будь подобен Амангельды! Будь отважен, как Махамбет». Грузин-воин слушал такие слова матери: «Будь прославлен, как

тот исполин, кто был в тигровую шкуру одет». Азербайджанец учил своего сына быть похожим на Кер-Оглы.

Национально-исторические мотивы в песнях Джамбула об Отечественной войне представлены широко (например, в песне «Выстоит племя богатырей» говорится о национально-бытовых приметах, с которыми связан каждый народ). Но все эти национально-исторические мотивы и параллели не переходят в сказочную отвлеченность, абстрактную фольклорную гиперболу.

Наоборот, в песнях указанного периода налицо, как мы сказали, более широкое насыщение самой образной ткани стиха множеством новых реалистических деталей. Примечательна в этом смысле песня «Тебе, комсомолец Ленинграда». Песня сложена в феврале 1943 года. В первых строках ее Джамбул говорит о том, что его посетил дорогой гость, отважный сын Ленинграда. Джамбул мыслями переносится в осажденный Ленинград и видит ленинградскую молодежь. Каким же представляет себе ленинградского комсомольца былой кочевник из семиреченских степей?

Ты мне ярко предстал сейчас...
Для бойцов в пекарне ночной
Выпекаешь ты хлеб ржаной;
В лазарете сестра твоя...

(Перевод М. Тарловского)

И дальше Джамбул говорит, обращаясь к комсомольцу, что он видит, как комсомолец

*

стоит у наборных касс, как выпускает газету «Смена», как держит в руке карандаш и т. д., как даже буквы газеты блестят свежей краской.

Разумеется, и в стихах последнего периода можно найти у Джамбула чисто традиционные и сказочные образы. Например, в песне «Новогоднее письмо Сталинградцам» Джамбул сравнивает гитлеровскую армию с драконом. Однако господствуют в них живые реалистические образы нового.

В песне «Советским гвардейцам» Джамбул говорит о том, что советская жизнь научила его таким словам, которых он не знал раньше. Например, слово «гвардия» было ему неизвестно. Джамбул услышал его впервые уже в Отечественную войну. И это был для него праздник. Более того: «Праздник сегодня, — удвоен он: почести край удостоен мой». А именно, Казахской дивизии было присвоено звание гвардейской. И от того, что на шлеме его внука еще ощутимо прикосновение его стариковских рук, и от того, что его внук сражается в гвардейской дивизии, — от этого всего особая радость вливается в сердце акына. Так, вводя в свою поэзию новое советское слово, Джамбул ощущал новую жизнь, стоявшую за ним.

Свою собственную поэтическую речь Джамбул тоже ощущал в непосредственной связи именно с народной жизнью. Он желал, чтобы его искусство, говоря нашим языком,

не было искусством для искусства, чтобы оно служило интересам народа. Это свое кредо Джембул выразил в «Песне об искусстве», сложенной в 1938 году. В ней говорит Джембул, что настоящий акын должен прислушиваться к голосу каждой струны жизни, «как старый рыбак к переливам волны». Искусство может быть «нежнее ребенка» и «могучей силой батыра». Но тот не акын, кто дует в беззвучную трубку, чья песня не умеет разлиться по земле, подобно весеннему потоку.

Акын вдохновенный и славный лишь тот,
Чью песню лелеет и любит народ,
Чью песню лелеет родная страна,
Чью песню и подвиги любит она,
Величием народным героев полна!

(Перевод П. Кузнецова)

В 1936 году в «Песне народу» Джембул говорит: «Как с винтовкой аскер — я с другой-домброй выйду вместе с народом в последний бой». Там же Джембул сравнивает свои песни со снарядами, которые летят в стан врага. Те же образы возникают и в «Песне при получении ордена» («Аскер с винтовкой входит в бой, Джембул с любимую домброй...») и т. д.

Так сама советская действительность направляла ход развития поэтических мыслей Джембула на позиции боевого коммунистического искусства, на позиции социалистического реализма.

7. ДЖАМБУЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Народность Джамбула, боевой, патриотический пафос его как советского поэта особенно ярко проявили себя в годы Великой Отечественной войны. Наступил час, когда Джамбул действительно ощутил себя «аскером», мобилизованным на фронт народной борьбы за свое социалистическое отечество. Годы Великой Отечественной войны составляют лишь небольшой отрезок в длинной жизни акына. Но именно в эти последние годы разгорается его творчество, словно костер, искры от которого летят во все концы страны. Это сравнение самого Джамбула. Он говорит, что песня должна бушевать, как костер.

Весть о войне пришла к Джамбулу в те дни, когда он находился на своем джайляу. Через несколько дней он сел на коня, чтобы вернуться в район Май-Тюбе. Как рассказывает С. Муканов, Джамбул подъехал к дому в тот момент, когда по радио передавалась речь И. В. Сталина 3 июля 1941 года. Перед репродуктором собрались все родственники Джамбула. В эту же ночь Джамбул сложил песню: «В час, когда зовет Сталин». Эта песня сердечно и взволнованно выражает все те чувства тревоги советских людей за свою родину, за завоевания Октября и чувства патриотической готовности встать грудью на защиту родной страны.

Родина светлая всем дорога,
Кровью батыров добыта она,
Дружбой народов она скреплена, —
Непобедимая наша страна.
В юрте спокойной останусь ли я,
Грудью за землю не встану ли я,
Звонких стремян не достану ли я,
Вместе с народом устану ли я
Петь свои песни в труде и в боях?
Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным песня моя!

(Перевод П. Кузнецова)

Джамбул говорил в этой своей песне, что все в стране должно подняться на врага. Пусть льется быстрее горячий чимкентский свинец, балхашская нефть, пусть Каспий дает побольше улова, пусть хлопок, хлеб, табуны коней — все, все воюет против врага, против этого «черного шакала», который ночью «прыгнул через дувал».

В песне «Пуля — врагу» Джамбул говорит, что он готов отдать свою кровь капля по капле; он сам готов ночью подстеречь врага, схватить его за горло; обратно швырнуть головню во вражеский дом. «Джамбул — это имя простое мое, народ — настоящее имя мое» (перевод Л. Шифферс).

Война шла за тысячи километров от родных Джамбулу казахских степей. Но акын с горечью пел, что враг ворвался в его родной дом. Самое замечательное в военных стихах Джамбула — это чувство единства и нерушимости многонациональной нашей родины во главе с великим русским народом. Чаше, чем когда-либо, Джамбул обращается

в эти дни войны к идее дружбы народов. Он поет о нерушимости многонациональной советской семьи, как о самом главном. Он говорил, что на приказ полководца «отвечают мои сыны на шестидесяти языках». Он говорил: «Я для народов, слитых в семью, выносил новую песню мою».

В песне «Дружба народов», сложенной в июне 1942 года, акын гордится тем, что казахи идут рука об руку с русскими. В последней песне, спетой им в 1945 году — «Святыня народа» — Джамбул уже слабеющими губами говорил: «Много народов населяют Советский Союз. Каждый из них говорит на своем родном языке. Когда гимн запекает великий русский брат мой, его от всего сердца подхватывает и грузин, и казах, и украинец, и узбек, и белорус, и таджик. Всем он одинаково понятен, дорог и священен. Ведь в нем воплощены мысли и чаяния всех советских людей, в нем звучит несокрушимая мощь Советской страны».

Война шла далеко от дома Джамбула. Но все мысли его были там, на фронтах сражений, вместе с Россией, с русским народом. Когда враг подступал к русским городам, Джамбул слал защитникам их свои письма-песни. Он написал песню «Героям Воронежа», «Новогоднее письмо Сталинградцам». Несколько своих лучших песен в эти годы Джамбул сложил о Москве и Ленинграде.

Те, кто пережил ленинградскую блокаду зимой 1941—1942 года, никогда не забудут поэтического послания, с которым обратился

Джамбул к жителям города в сентябре 1941 года. Послание Джамбула в русском переводе было передано по радио в Ленинград и там издано в виде плакатов. Плакаты с посланием Джамбула были развешаны на стенах домов и в окнах магазинов по всему городу. С любовью, с тревогой, со словом мужественного одобрения обращался казахский акын к защитникам великого города Ленина. Джамбул говорил:

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну, —
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рой,
Золоченых крыш остря. . .
Ленинградцы, дети мои!   «
Ленинградцы, гордость моя! . .

(Перевод М. Тарловского)

Дальше говорил Джамбул, что в царские времена в его аул ссылали дедов и прадедов нынешних ленинградцев. Но и тогда Джамбул воспевал «грозный ход балтийской волны, где бурлил всенародный поток». С любовью акын вспоминает Ленина, говорит о Кирове, который приехал однажды в Казахстан с дарами от ленинградцев. Джамбул вспоминает также делегации моряков, которые приезжали в Казахстан. «Что же слышит Джамбул теперь? К вам в стальную ломится дверь, словно вечность проголодав.

обезумевший от потерь многоголовый жадный удав. . . Сдохнет он у ваших застав».

Джамбул вспоминает героическую славу, завоеванную городом в русской истории. Не может быть того, чтобы Ленинград был под врагом. Все советские нации, все республики придут на помощь Ленинграду: «В Ленинград! — все пойдут на выручку к вам, полководческим вняв словам».

Обращение Джамбула к ленинградцам вызвало большой патриотический подъем в городе. Редактор «Ленинградской правды» послал «молнию» с адресом: «Казахстан, Алма-Ата, Джамбулу. Редакция получила много откликов ваше стихотворенье. Мы послали вам отклики вместе почтой». Джамбулу писали бойцы с фронта, домашние хозяйки, героини осажденного города, дети, учителя, машинистки, профессора, люди всех возрастов и профессий. Боец-доброволец саперной роты одного из ленинградских полков, профессор Ленинградского технологического института имени В. М. Молотова Вс. Зубчанинов прислал Джамбулу ответ в стихах (13 сентября 1941 года). Это ответное поэтическое послание тоже своего рода примечательный человеческий документ эпохи войны. Ленинградский профессор писал в ответ Джамбулу:

Я совсем не поэт.
У меня и слов своих нет.
Они лишь бледный отсвет
Молний песен твоих. . .
Но скажи мне, мудрый старик:

Как русского поняла казах?
Как сумел полюбить Ленинград?
Как в красоты его проник?

Это значит в Советской стране
Все народы друг другу родня.
Опровергнут фашистский навет,
Что не всякий народ человек.

И еще я прочел между строк:
Наследье моих отцов —
Русской культуры добро
До степей Казахстана дошло...

Ясно мне. Ленинград не один,
Вся страна, Казахстан вместе с ним.
Эта весть удвоит нашу мощь,
Эта мысль усилит отпор...¹

Участник обороны Ленинграда Всеволод Вишневский позже рассказывал в «Правде»: «Без слез и чувства радостного волнения не могли мы читать это послание. (Джамбула. — К. З.). Мы ощутили, что это письмо так же ценно, как подход сильного резерва. Народ Казахстана слал нам свой братский привет, любовь и дружбу, и мы шли в бой, удвоив силы»².

Алексей Сурков в 1944 году, подводя итоги делам советской поэзии в дни Отечественной войны, говорил: «Огромные пространства, отделяющие Степь Казахстана от полей войны, не помешали молодому страстному голосу престарелого Джамбула дойти до слуха защитников Ленинграда и

---

¹ Литературный музей Джамбула, Алма-Ата.

² См. «Правду», 1944, 4 декабря.

Москвы, защитников Кавказа и Сталинграда»¹.

Все народы слали Ленинграду выражение своих патриотических чувств, чувств любви и дружбы. Джембул открыл своим посланием целый поток произведений, посвященных Ленинграду и созданных поэтами других советских народов. К Ленинграду с поэтическими посланиями обратились узбекские поэты Амин Умари — в стихотворении «Ленинград — Узбекистан», Миртемир в стихотворении «Крепость Севера» и другие. Об этом писали грузинские поэты, как, например, И. Гришашвили в стихах «Ленинграду», «В городе Пушкина». Алио Машашвили в стихотворении «Два города» писал:

В дни суровых испытаний
Побратались навсегда,
Поднялись на подвиг дружный,
В грозной схватке стали рядом
Ленинград со Сталинградом,
Побратимы-города. . .

(Перевод В. Потаповой)

Тема ленинградской обороны, как тема дружбы народов, проходит в стихах поэтов Украины, Армении, Казахстана, Татарии, Бурят-Монголии, республик Прибалтики и других национальных республик и областей. Ленинград предстал в советской литературе в годы Отечественной войны в качестве мо-

---

¹ Алексей Сурков. Советская поэзия в дни Отечественной войны. Изд. Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР. М., 1944, стр. 9.

гучей силы, символа непобедимости советского народа.

Центральное место в военных стихах Джамбула принадлежит образу Москвы, теме Москвы, России, русского народа. В дни, когда на площади Свердлова на обозрение жителей столицы были выставлены сбитые «Юнкерсы», а враг был под стенами города, Джамбул прислал москвичам свое стихотворное послание.

Оно исполнено глубокого неподдельного волнения:

Я замер в горячей мольбе...
Подобно кинжальной резьбе,
Да будут чеканны слова!
Всю суть своего существа
Джамбул обращает к тебе,
К тебе, вековая Москва.

(Перевод М. Тарловского)

Джамбул рисует картину затемненной, настороженной Москвы. Москва прячет детей своих в «мрамор ущелий» под землей — в метро. А весь город следит за стервятниками в ночной выси. Джамбул говорит далее об истории Москвы, подчеркивает ее значение в истории всей России и ее народов; утверждает нерушимое единство всей Советской страны:

Пожертвовать всем для Москвы,
Народы, обязаны вы!
В Сибири, в Крыму, на Неве
Страна помогает Москве.
Наш Риддер, Чимкент и Балхаш,
Арал и его острова,

Бурильщик и угольщик наш
Тебе помогают, Москва.

(Перевод М. Гарловского)

Так пел великий казахский акын, и с ним словно переключались узбекские поэты (в стихах Даврона, отдавшего свою жизнь за Москву, — «Моя Москва»), армянские (в поэме Наири Зарьяна «Слушайте, века!»), поэты Белоруссии, Таджикистана, Украины, Грузии, Латвии, Литвы и других республик. Джембул шел в ногу со всеми советскими поэтами, выражая думы и чувства всех советских людей.

Чувство глубокой любви к русскому народу, признание его неизмеримых исторических заслуг перед всеми нациями, перед всем человечеством — это чувство вдохновляло советскую поэзию в годы Великой Отечественной войны. Чувство любви к русским, к Москве, к России, которое, как мы видели, родилось в сердце Джембула еще в юности, когда он проходил «общерусский университет» борьбы народов против самодержавия, чувство, неизмеримо выросшее и углубившееся в советские годы, прекрасно раскрылось в песнях Джембула военных лет. Джембул говорит в этих песнях о русском народе, обо всем русском, как о родном ему, кровном, близком.

В песне «Несокрушимая крепость» акын говорит, что, думая о Сталинграде, он не спит ночь. Он в тревоге, что хочет враг занять берега «нашей славной Волги-реки».

Волгу он называет «нашей». Джамбул говорит, что он не белый клочок оторвал от своей седой бороды, он родного сына послал и наказал ему, чтобы тот помнил, что вырос в доме Джамбула. Обращаясь к казаху-воину, Джамбул говорил:

Ты не дрогнешь, воин-смельчак!
Вспомни в дни тяжчайших невзгод,
Как когда-то русский народ
Защищал свой каждый очаг
У могучей нашей реки...

(Перевод М. Тарловского)

И в этих своих стихах о России и русском народе, проникнутых искренним радостным чувством любви, Джамбул перекликался с произведениями и Самеда Вургунга, и Тычины, и Суркова, и Наира Зарьяна, и Симонина, и Кулешова, и Судрабкална и многих, многих других поэтов. Словно вторя Джамбулу, восклицал молодой эстонский поэт Эрни Хипр:

Я своему народу страстно желаю счастья —
И я воскликну всем сердцем, когда закончим поход:
«Спасибо тебе за помощь, спасибо тебе за участие,
Спасибо тебе за дружбу, великий русский народ!»

(Перевод Б. Кежуна)

Примеры таких идейно-тематических созвучий, какие мы находим у Джамбула и у других поэтов народов СССР, убедительно говорят о высоком идейном уровне поэзии Джамбула, о том, что Джамбул в последний период своего творчества действительно выражал самые передовые и заветные мысли и чувства советских людей.

Несколько песен Джамбул посвятил детям своим, находившимся в рядах действующей армии. На фронте были сын, внуки и правнуки акына. Один из младших сыновей его Алгадай сражался под Сталинградом.

Помни, сын мой, слово отца
О приказе родной земли!
Был приказ: стоять до конца!
Не щади себя, Алгадай,
С оскверненных наших полей
По-гвардейски нечисть сметай!

Алгадай оказался бесстрашным и славным воином, достойным сыном своего отца. Он был пулеметчиком, и в газете «Сталинский воин» не раз помещались заметки о его боевых делах: 28 февраля 1943 года Алгадай погиб в бою под городом Синельниково. В письме Джамбулу от командования кавалерийской дивизии, в которой служил Алгадай, говорится, что сын поэта совместно с тремя товарищами вступил в единоборство с немецкими танками и автоматчиками. «Ваш сын, — говорится в письме, — беспощадно уничтожал врагов своим пулеметом. Двое из его товарищей были убиты, а сам он ранен в голову, но и после этого продолжал разить гитлеровских извергов. Восемьдесят фашистских палачей нашли свою позорную могилу перед пулеметом Алгадая Джамбулова. Осколки немецкого снаряда оборвали его честную жизнь, жизнь верного сына казахского народа, патриота Советской страны. За проявленный героизм, мужество

и стойкость Алгадай представлен к ордену «Красное Знамя».

Сообщить Джамбулу о героической смерти сына приехал в аул Председатель Верховного Совета Казахстана. В этом году акын впервые не выехал в горы на джайлау, он хотел быть ближе к радио, ближе к событиям. Когда престарелому акыну сообщили о гибели сына, слеза скатилась по его изборозженному морщинами лицу. Но после долгого молчания он взялся за домбру и ответил гостям песней:

За Родину смерть — продолжение жизни...

Песни, сложенные Джамбулом во время Отечественной войны, составили целую книгу, вышедшую отдельным изданием и на русском языке. В них запечатлены события войны, великие народные подвиги. В песнях военных лет нашел яркое выражение патриотический подъем народной энергии, замечательным образом разгоревшейся в певце, прожившем целое столетие.

В годы Отечественной войны и другие акыны Казахстана (так же как и туркменские бахши, узбекские шаиры, киргизские жирши, кавказские ашуги) проявили большую активность, создали множество произведений, свидетельствующих о том, как глубоко жили народные массы мыслью о победе над ненавистным врагом, как велики были силы, объединявшие народы вокруг партии. Эти произведения в то же время свидетельствуют о силе и живучести самой

традиции устно-народной поэзии. Акыны и ашуги были внушительной силой, подымавшей народ на войну и труд, наравне с газетами, радио и литературой. Достаточно сказать, что в Казахстане в годы Отечественной войны более пятидесяти акынов разъезжало по колхозам в качестве аульных певцов и народных агитаторов. Народный акын Казахской ССР Нурпеис Байганин сложил ряд превосходных поэм и песен.

Зимой 1943—1944 года в Алма-Ате в новом оперном театре был устроен айтыс акынов, который открыл и на котором председательствовал патриарх советских сказителей — Джамбул. Акыны представляли различные области Казахстана, и предметом состязаний были данные о выполнении областями планов и заданий правительства в работе на оборону. Предварительно акыны ездили знакомиться с положением вещей в области своих «противников».

Айтыс прошел весьма оживленно и привлек большое общественное внимание. Взаимная критика акынов получила затем продолжение на страницах областной и республиканской печати.

Участие Джамбула сообщило этому поэтическому состязанию особый интерес. Джамбул был признанным авторитетом среди казахских акынов. Другие акыны посвящали ему песни и поэмы. Нурпеис Байганин говорит в своей поэме «Душа народа», что творческое цветение Джамбула является своего рода символом полнокров-

ного расцвета всей советской жизни, где бок о бок работают и старый и малый: «Живет полнокровно советский народ, Джамбул знаменитый нам вечно поет».

Среди населения в Казахстане Джамбул стал живой легендой и непререкаемым авторитетом. К нему обращались, как к судье, в семейных и колхозных спорах. За советом к Джамбулу приезжали режиссеры и артисты, работавшие над образами казахского эпоса. Послушать песни Джамбула к нему в аул съезжались со всех концов Казахстана колхозники, студенты, учителя, партийные работники, писатели, композиторы, пионеры. Поэт Гали Орманов в одном из своих стихотворений рисует жанровую сценку: пение Джамбула на фоне его родного аульного пейзажа.

Подстелив цветистый коврик под бока,
Локтем на подушку опершись слегка,
Перед новым домом, у дверей своих,
Окружен толпою малых и больших,
Под вечер однажды песни пел Джамбул.
И, услышав пенье, весь аул притих.
Вольно подымался окрыленный стих,
Он сердца людские жарко всколыхнул.

Последний раз автор этой книги видел Джамбула в мае 1944 года. Он приезжал на своем автомобиле по делам в Алма-Ату, где мне в это время случилось быть. Запомнился его взор из-под старческих век, мудро-спокойный. Глядя на эту небольшую фигурку человека в цветном халате, осторожно выходявшего из автомобиля, не вери-

лось, что на этих худых плечах лежит груз целого столетия. У Джамбула есть целый ряд песен о старости. С тем подсмеиванием над своими хворобами, какое свойственно мужественным старикам, Джамбул говорит о том, что старость, подобно вору, обкрадывает его постепенно: отобрала свободу движений — уже нельзя сидеть на коне, отбирает теперь слух и зрение. Осталась еще песня. Когда дряхлость отобрала и песню, Джамбул умер. Это произошло 22 июня 1945 года.

Смерть Джамбула вызвала отклики во всем мире. В Казахстане народ съезжался со всех концов, чтобы проститься с прахом своего славного певца. Вот свидетельство очевидца: «Величественным был последний путь Джамбула. Семьдесят пять километров по цветущей степи, вдоль увенчанных снегами гор, ехал траурный кортеж. Все население от мала до велика вышло на дорогу проститься с поэтом».

На могиле Джамбула в его родном колхозе воздвигнут мавзолей. И кажется, что у его врат стоит могучий акын с домброй. Камень поет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги творческой деятельности Джембула в советскую эпоху, мы с уважением останавливаемся перед примером высокой идейности и внутренней мобилизованности, патриотического горения, явленных Джембулом на его посту народного певца. Когда в 1945 году поэт Н. Тихонов на первом послевоенном пленуме Правления Союза советских писателей СССР подводил итоги тому, что было сделано советскими поэтами за годы войны, он в списке поэтов-патриотов, поэтов-бойцов первым назвал имя Джембула, наряду с именами Исаковского, Лебедева-Кумача, Рыльского, Исаакяна, Бажана, Тычины, Кулешова, Твардовского, Симонова, Суркова, Гафура Гуляма, Якуба Коласа, Самеда Вургунa и многих других. Советское правительство и партия «высоко, высоко подняли» Джембула, а русский язык через переводы дал казахскому певцу величайшую аудиторию, о какой может только мечтать каждый писатель во всем мире. Но признание этого важнейшего

обстоятельства не должно заслонить от нас и того, что Джамбул проявил выдающуюся силу творческого духа и настойчивое стремление служить своим поэтическим словом делу народа. Н. Тихонов был прав, когда поставил в пример труд Джамбула в годы войны. Русский поэт говорил о казахском акыне как о своем собрате, что он явил пример такой деятельности писателя, которая «требует всего человека, требует крайней напряженности, высокой страсти, непрерывной энергии, постоянного горения, роста и совершенствования»¹.

Сам Джамбул, как живое олицетворение народного взлета из казахского средневековья к вершинам социалистической культуры, история *второго рождения* Джамбула и пример из ряда вон выходящей творческой активности столетнего певца — все это оказало и оказывает большое впечатление и на читателей Джамбула и на советских поэтов и писателей. Сам Джамбул, как легендарная фигура, стал героем многих произведений. И в самом деле, его история просится в роман. О Джамбуле режиссером Е. Дзиганом создан фильм по сценарию Н. Погодина и А. Тажибаева. Джамбулу посвящено свыше двухсот произведений поэтов на русском языке и на других языках народов СССР. О Джамбуле писали казахские поэты — Сабит Муканов и Гали Орманов, Таир Жароков и Абдильда Тажибаев, С. Бегалин и

¹ Н и к о л а й Т и х о н о в. Перед новым подъемом. Изд. «Литературной газеты», М., 1945, стр. 2—5.

Сеядиль Керембеков и многие другие. Образ Джамбула проходит в стихах украинского поэта Павло Тычины, и белорусского поэта Якуба Коласа, и таджикских поэтов Турсун-Заде и Гасема Лахути, и в стихах поэтов Туркмении, Грузии, Чувашии и других народов. Образ Джамбула вошел в иные произведения наряду с именами выдающихся деятелей культуры и литературы других народов, знаменуя тем самым, что наступила эпоха обмена сокровищами между народами, их достижениями. Якуб Колас именно так в своих стихах воспринял вхождение Джамбула в круг единой многонациональной социалистической культуры. Якуб Колас писал, что теперь

...гостями входят в двери —
В чум, в кишлак, аул —
К нам Шевченко, Руставели,
Пушкин и Джамбул.

Конечно, имена поэтов, которые здесь перечисляет Якуб Колас, различны по своему масштабу, по своей исторической роли в развитии нашей культуры. Но все они пришли к десяткам народов нашей родины вместе с победой национальной политики Коммунистической партии.

Джамбул вошел в историю советской литературы и как участник общего литературного процесса. Мы уже говорили, что Джамбул принадлежит к тем своеобразным явлениям литературного развития советской эпохи, на которых мы можем проследить смыкание устной и письменной поэзии. Это

Смыкание проявилось в том, что Джамбул ввел в творческий обиход советской поэзии свои художественные приемы, свою фольклорную поэтику и, наоборот, сам оставаясь типичным представителем устной поэзии, стал осваивать словарь и поэтику письменной литературы. Это смыкание выразилось и в том, что поэзия Джамбула по силе своего влияния на массы, по масштабу своего распространения, по своей роли воспитателя народного сознания стала на уровень многих лучших поэтических произведений всесоюзной советской литературы, приобрела всесоюзное значение. Этому, как уже говорилось, в огромной степени способствовало то, что песни Джамбула стали в русских переводах доступны самому широкому читателю. Опубликованные в печати, центральной и местной, они содействовали популяризации Джамбула, пропаганде его творчества. В партии и в советском государстве в целом Джамбул нашел мощную поддержку своему поэтическому делу.

Обширную и совершенно самостоятельную тему составляет проблема взаимосвязи Джамбула с развитием современной казахской советской литературы. В данной работе мы не можем уделить этой теме специального места, потому что это повлекло бы разбор и оценку путей и этапов развития советской казахской литературы, ее главнейших произведений, ее истории, что сделать весьма трудно, ибо история казахской литературы еще не создана.

Но если говорить о влиянии, оказанном творчеством Джамбула на развитие казахской советской поэзии, то его не следует сводить к тематическим или чисто художественным созвучиям, какие легко можно проследить у Джамбула и у многих казахских современных поэтов. Например, в произведениях казахских поэтов можно найти в немалом числе образную орнаментику, сравнения и метафоры, навеянные родным фольклором. Тут и тулпары, и губы, как тюльпан, и героини-львы и т. п. Например, в стихотворении «Мать и сын» Абдила Тажибаев так изображает прощание матери с героем Тулегеном: «Люди долго глядели на львицу, родившую льва... Львиной властью своей запечатала слез родники» и т. д.

Или у Таира Жарокова в стихотворении «Стальной конь»: «Это конь, стальной черный — наш Турксиб, тулпар из сказок». Или у Сабита Муканова во многих произведениях фигурируют те же тулпары, с которыми сравниваются поезда, автомобили и т. д. Самолет сравнивается с легендарной рыбой Чубар-Тас и т. д.

Все эти примеры в целом никак не характеризуют современного лица названных казахских поэтов.

Десятки подобного рода примеров можно привести из произведений и других казахских поэтов. Но это не влияние Джамбула. Это влияние казахского фольклора в целом. Это вообще влияние на развитие письменной поэзии изобразительных приемов фольклора

и в известной мере письменной литературы феодального прошлого. Эту же картину мы наблюдаем и в других литературах, особенно в ранний период их развития (например, в киргизской, узбекской, туркменской, таджикской, азербайджанской и др.), где устная народная поэзия сохранила живое бытование вплоть до Октябрьской революции и где ее непосредственное влияние можно наблюдать в самой прямой форме и в наши дни. В этом и сила, но в то же время и слабость молодой советской казахской поэзии. Фольклор не только обогащает советскую поэзию; некритическое использование фольклорной поэтики может явиться и помехой в развитии социалистического реализма. В этом смысле в поэзии Джамбула есть не только сильное, но и слабое, не только то, что может оплодотворить и обогатить общесоветскую поэзию, но и то, что является отмирающим пережитком в ходе развития социалистического реализма.

Вот почему гораздо правильнее, говоря о смыкании у Джамбула двух струй — устной и письменной поэзии, говоря о подтягивании устного фольклора на уровень письменной литературы, выделять в качестве главного то, что Джамбул взял от советской эпохи, освоил в общей советской культуре. На этом пути действительно смыкались традиции особенностей устной народной поэзии с идейным направлением советской поэзии вообще. Известно, что одной из особенностей фольклора является его быстрый отклик на

события и явления народной жизни. Как говорил Горький, фольклор неотступно сопровождал историю народа, так же как и сопутствовал ему в повседневности. Защита отечества, подвиги героев, любовь, семья, празднества, смерть человека — все это незамедлительно находило отклик в песнях народных певцов. Вот эту культуру общественной злободневности, усвоенную Джамбулом в традициях народной песни, он сумел поднять на уровень большевистской идейности.

Идейное содержание у письменной и устной советской поэзии общее, только форма различная. Но и форма фольклора, как мы видели на примере Джамбула, начинает частично видоизменяться под влиянием нового содержания.

«... по своему содержанию, — говорил И. В. Сталин, — развиваемая Советской властью культура народов СССР должна быть культурой общей для всех трудящихся, культурой социалистической, по своей же **форме** она есть и будет культурой неодинаковой для всех народов СССР, культурой национальной, культурой различной для народов СССР сообразно различию в языке и в национальных особенностях»¹.

Именно освоив и выразив в своей национальной форме это общее содержание социалистической культуры, интересы советских людей, Джамбул как поэт достиг значительного положения в общем литера-

---

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 10, стр. 69.

турном процессе и нашел широкое общественное признание.

Естественно, что личность Джамбула и все его творчество, охватывающее две исторические эпохи, стали живым символом торжества национальной политики Коммунистической партии. Об этом говорил, в частности, Михаил Шолохов в своей речи на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году. «Одним из самых больших достижений, по моему мнению, являются не отдельные наши успехи, а то, что и в литературе ярко цветет торжество ленинско-сталинской национальной политики. Творчество поэтов и писателей братских национальных республик, прежде мало известное русскому народу, стало теперь общенародным. Свежие голоса национальных писателей слились с голосом русской литературы, обогатили ее и сделали подлинно интернациональной. Кого из нас не восхищали эпические, мужественные в своей простоте песни Джамбула? Кого не прельщала пленительная сладость стихов грузинских поэтов? Кто оставался равнодушным, читая узорные, певучие строки Сулеймана Стальского? Даже утратив при переводе частицу своей первобытной прелести, слова этих писателей находили прямую дорогу к нашим сердцам»¹.

---

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет». М., Госполитиздат, 1939, стр. 475.

О творчестве Джамбула говорил в своей речи так-

Имя Джамбула было первым именем в казахской советской литературе, которое перешагнуло границы казахской Степи и приобрело всесоюзную известность. А. Фадеев, выступая весной 1949 года в Париже перед широкой аудиторией французской трудовой интеллигенции, говоря о казахской литературе и приводя примеры некоторых лучших произведений казахских писателей, сказал, что казахская литература выросла в большую сложившуюся в основных жанрах литературу¹: Фадеев говорил, что казахская литература приобрела всесоюзную и, тем самым, мировую известность.

Эти слова полностью относятся и к Джамбулу. Как скоро поэзия Джамбула получила всесоюзную известность и признание, она нашла отклик и во всем мире. Его песни с русского языка были переведены на французский, английский, немецкий, чешский, польский, китайский и другие языки мира. О Джамбуле появилось множество статей в зарубежной прессе. Вся история жизни и творчества Джамбула произвела неизгладимое впечатление. Когда в 1938 году праздновался 75-летний юбилей творческой деятельности Джамбула, Ромэн Роллан прислал казахскому певцу телеграмму: «От сердца западных Альп к сердцу степей Казахстана братский привет Джамбулу —

же и Емельян Ярославский, называя его «Песни борьбы и труда» бодрыми и радостными (там же, стр. 136).

¹ См. «Литературную газету», 1949, 2 марта.

певцу своего казахского народа и нового человечества»¹.

Передовые писатели Болгарии, находившиеся в те годы еще в условиях господства на их родине буржуазно-фашистской клики, писали о Джамбуле: «Редкое счастье выпало на долю столетнего певца Джамбула — гордости и славы Казахской ССР... — увидеть воплощенными в жизнь сны советских народов о свободе, правде, благоденствии. Истинно народная поэзия Джамбула, бьющая из самых недр души народной, возникает и развивается, как колосистая рожь в его родной земле, как веют свободные степные ветры. Она отражает силу и гордость народа, разбившего оковы прошлого и вставшего радостным и счастливым перед невиданным зрелищем новой жизни»².

В послевоенные годы произведения Джамбула в переводах были изданы в ряде стран народной демократии. Стихи Джамбула вышли отдельными книжками, печатались в журналах и газетах и сумели завоевать и зарубежного читателя. Так, например, чехословацкая газета «Праге» (1947, 20 июля) писала по поводу книжки военных стихов Джамбула «Песни любви и гнева», переведенных на чешский язык Боженной Пашковой:

«Древний бард, принадлежащий давно прошедшим временам, пишет на современ-

¹ См. газету «Казахстанская правда», 1938, 22 мая.

² Журнал «Литературный Казахстан», 1938, № 5, стр. 12.

ные темы. Его стихи — народные песни барда, которые неразлучно связаны с музыкальным сопровождением. Богатырская приподнятость этих стихов, гиперболичность образов были бы непонятны, если бы мы не учли их связи с музыкой. Необходимо указать на одну их особенность: пламенную и непосредственную любовь, которую питает этот легендарный старец к своей родине, к Советскому Союзу. В его поэтических посланиях есть нечто привлекательное и значительное. Джамбул принадлежит к тем людям, которые не тронуты неврастений нашей эпохи. И нет ничего нарочитого в том, что именно он, вольный степной орел, без колебаний и оговорок отдает советской земле самое дорогое, что он имеет, — свою поэзию»¹.

Знаменательно, что зарубежный читатель в Джамбуле оценил и своеобразие, колорит национальной формы, и новые мысли и чувства, которые вложила в певца советская эпоха. Так журнал «Лидова культура» (Прага) писал по поводу чешских переводов стихов Джамбула:

«Богаты и разнообразны его песни по содержанию. Но, разумеется, пересказом их содержания нельзя объяснить сущности творчества поэта. Джамбул — наследник и продолжатель традиции казахской народной поэзии. И эта народность стихов — самое

---

¹ По материалам Иностранной комиссии ССП СССР.

ценное в его творчестве. Джамбул увлекает именно простотой тона и выражения, непосредственностью переживаний. Любитель лирической поэзии, привыкший к сложным поэтическим выражениям современных лириков, не сразу оценит их красоту и поэтичность. Но тот, для кого они стали понятными, не сможет без восторга говорить о стихах Джамбула. Только тогда мы поймем, почему создателю этих стихов так легко удается возбудить у слушателей энтузиазм, отвагу, сочувствие или ненависть. Мы поймем также, почему солдаты с фронта просили поэта прислать им свои новые песни: они поддерживали их в борьбе, придавали им сил и отваги. Это общее признание поэта является самой высокой оценкой его поэзии. И нам эти песни дают нечто большее, чем только наслаждение красотой их художественных достоинств. Они наполняют нас новыми мыслями и чувствами»¹.

На другом конце земного шара — в Китае — Джамбул также был принят и понят как своеобразнейшее и принципиальное явление советской культуры. В этом качестве Джамбул встал вровень с крупнейшими поэтическими именами Советского Союза. Так профессор Цао Цзин-хуа в статье, дающей обзор распространения и влияния советской литературы в Китае, писал: «Произведения выдающегося советского поэта Маяковского

---

¹ По материалам Иностранной комиссии ССН СССР.

ской революции, литература Страны Советов. И главное в Джамбуле, что «ничем не заслонится», — это жар советского солнца, который отдает нам казахский акын.

* * *

У казахов есть пословица: пережитое вместе с народом — торжество. Она может относиться и к Джамбулу. Торжество поэта в том, что он был с народом на всех этапах его борьбы. История Джамбула поражает воображение, если в ней видеть только одну внешнюю сторону. Но история Джамбула и многому учит нас, если заглянуть в ее существо. Джамбул создавал свои песни, учась по книге жизни, и потому в его книге можно найти все то, что составляет круг главных устремлений и интересов народа. Например, на первый взгляд может показаться натяжкой сопоставление имени Джамбула и величайшего движения современности — борьбы за мир. Джамбул умер в 1945 году, какое он мог иметь отношение к этому движению? Но именно по тому, что воля советских людей к миру родилась не сегодня, не вчера, а составляет коренную сторону нашего бытия, всего социалистического строя, у нас есть все основания среди советских борцов за мир назвать и Джамбула. Еще в 1937 году в песне «К Красной Армии» Джамбул говорил, что оружие нам нужно только для защиты и что нашему народу война глубоко чужда: «Как сад за-

цвела наша жизнь, но вокруг фашисты и бан сомкнули свой круг».

Выражая нашу политику, заключающуюся в том, что советские люди не посягают на чужие границы, Джамбул восклицал:

Кровавая проклята нами война,
Чужая земля нам совсем не нужна.

Эти слова одновременно и юного и древнего певца естественно вплетаются в общее направление наших мыслей и чувств. Песни Джамбула могут быть присоединены к многочисленным свидетельствам о давних и глубоких мирных намерениях советских людей.

Жизнь и творчество Джамбула показывают, какое великое плодотворное значение имела помощь, материальная и духовная, русского народа в культурном и духовном развитии других народов, связанных с русским общностью исторических путей.

История Джамбула учит, что дружба народов составляет важнейшую черту в духовном облике передовой многонациональной советской поэзии.

Наконец, история жизни и творчества Джамбула показывает, что в условиях победы народа, на почве социализма происходит расцвет не только письменной литературы — социалистической по содержанию и национальной по форме, — но происходит и возрождение народной устной поэзии. Акын-импровизатор, как глашатай жизни и интересов народа, тем самым становится на путь овладения методом социалистического

реализма. Происходят коренные изменения и в самой форме фольклора.

Неизмеримо могуча та творческая сила, которую будит во всех народах коммунизм, деятельное стремление к нему. Всей своей жизнью и искусством певца Джамбул подтверждает эту великую принципиальную истину нашего века.

1985

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Джамбул и его время	8
2. Поэзия Джамбула в дореволюционные годы	33
3. Великая Октябрьская социалистическая революция и второе рождение Джамбула . . .	48
4. Прошлое Казахстана в произведениях Джамбула	64
5. Джамбул — певец социалистических побед советского народа	80
6. Традиционное и новаторское	121
7. Джамбул в годы Великой Отечествен- ной войны	134
Заключение	149

Мелликс

Очень хорошая книга

ЗЕЛИНСКИЙ КОРНЕЛИЙ ЛЮЦИАНОВИЧ
ДЖАМБУЛ

Редактор *П. Г. Скосырев*

Художник *В. М. Добер*

Худож. редактор *Е. И. Балашева*

Техн. редактор *С. И. Брусиловская*

Корректор *В. П. Песковская*

Сдано в набор 7/IV 1955 г. Подписано
к печати 30/VI 1955 г. А 03519. Бумага
70×92^{1/2}. Печ. л. 5^{6/16} (6,21). Уч.-изд.
л. 5,27. Тираж 30 000. Цена 2 р. 70 к.
Заказ № 440

Издательство «Советский писатель»
Москва. К-104.
Б. Гнезниковский пер., 10

Типография № 3 Управления культуры
Ленгорисполкома.
Ленинград, Красная ул., д. 1/3.

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу: Москва, Б. Гнездииковский пер., д. 10, издательство «Советский писатель».

К. ЗЕЛИНСКИЙ

ДЖАМБУЛ

©